

34-35

СМЕРЬ

создать магнитострой литературы, создать произведения достойные нашей эпохи, — боевая, историческая задача пролетарской литературы на нашем этапе.

Пролетару социализм в ряд. «Настоящий Пролетар» — это коммунистическая литература.

Белые, Радецкий, Толстой, Ворошилов и Волоск.

Фото А. Суранина

На совещании по смотру комсомольской литературы. Слушает доклад Т. Грошева.

Творческий смотр молодежной литературы, объявленный „Комсомольской правдой“, — крупнейшее практическое начинание в деле повседневного и энергичного участия комсомольских организаций в борьбе за большое искусство большевизма.

...Когда речь заходит о книге, тут дело обстоит неважно, то что имеется для ударников и рабочей молодежи, зачастую еще не стоит на высоком качественном уровне. Героическая борьба ленинского комсомола на всех фронтах социалистического строительства все еще не нашла (за отдельными исключениями) своего отражения в пролетарской литературе. Здесь надо добиться скорейшего перелома, который однако затрудняется тем, что руководящие органы раппа не имеют до сих пор почти никакой связи с ленинским комсомолом и его центральным комитетом

А. Носов (Из доклада на 2-м пленуме ЦК ВЛКСМ)

Пролетарии всех стран, соединитесь

СМЕНА

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи орган ЦК и МК ВЛКСМ
ответственный редактор — редактор-кад. Б. Гиз — молодежь гвардии
адрес редакции:
Москва, центр, б. Чернышевский пер., п. 4, тел. 6-61-63
номер оформил б. пророков
фототехнические процессы под руководством и. соловьева

№ 34—35 декабрь 1931 год

КОМСОМОЛ на фронте литературы

а. косарев

шопена в рабочий клуб

Почему, например, труппа Большого театра не может играть на сцене какого-либо заводского клуба или на сцене театра заводской окрестности? До каких это пор громкие имена, люди большой художественной ценности и культуры будут сидеть в центральном театре, выступать в центральных кварталах и не выезжать в заводские окрестности? Музеи, консерватории и другие культурные учреждения тоже, как правило, находятся в центре городов и главным образом обслуживают мещанство центральных кварталов. А вы думаете, что молодой или взрослый рабочий не имеет потребности в хорошей музыке? Конечно имеет: он культурно растет, при чем растет гигантски. Возьмите другой пример: приезжает какая-нибудь мировая известность, появляется на нашем советском горизонте и опять-таки подвизается где-нибудь в центральном месте, обслуживая зачастую мещанство центральных кварталов. Этому нужно положить предел. Пролетарят, строящий социализм, имеет право в первую голову использовать самые лучшие культурные ценности, и мы — ленинский комсомолец — должны помочь партии продвигать эти культурные ценности в среду рабочих, в среду заводских окрестностей. Это значит: Шопена и Листа из музыкальных консерваторий наших центральных городов нужно вытаскивать в заводские, рабочие клубы. В наше время и молодой, и взрослый рабочий преступается и Листом, и Бетховеном, и Шопеном, и ничего в этом преступного нет. А у нас эти вещи продаются для служителей интеллигенции столичных кварталов или центров. Не можем мы дольше мириться с таким поведением. Продвинуть на завод, в семью рабочего, на заводскую окрестность хорошую книгу, помочь рабочему правильно научиться пользоваться книжкой, взять из нее нужное, полезное, вот, что значит заниматься культурной работой. На культурном фронте перед нами стоят грандиозные задачи. Вести культуру в быт рабочей молодежи, привить ей культурные навыки, организовать ее культурный досуг, изжить шаблоны и приспособленчество в этой работе — вот, что требуется от ленинского комсомольца.

Мы должны усилить свою работу по объединению вокруг комсомола молодых, начинающих сия в различных областях творчества и искусства, всячески им помогать в развитии.

Герои нашего времени отсутствуют в литературе. И, разумеется, гигантское значение в вопросах культурного строительства играет литература. Пролетарская литература должна помочь партии и комсомолу дать молодому поколению направление в жизни. Эта задача весьма ответственна. Молодое поколение каждой эпохи имеет своего героя, которому стремилось подражать. Разные эпохи порождали разных героев. Вот такие собирательные типы, на которых хотелось бы походить, с которых стремилось брать пример, которым старалось подражать молодое поколение и описывала классическая литература прежних времен. Возьмите, к примеру, хотя бы тургеневских героев Рудина, Базарова или дерюмоновского Печорина, которые несомненно владели умами тогдашней интеллигентско-дворянской молодежи и студенчества. Это прекрасно описанные люди, умеющие идеально любить литературу, искусство, философию, справедливость и женщин. Или возьмите литературу приключенческого характера, которой, кстати говоря, в свое время многие из нас зачитывались. Речь идет о Фениморе Кулере, Майн-Риде, Жюль-Верне и пр. Их герои настолько прочно вселялись в сердца молодых читателей, что на них стремились походить и поступками и внешностью, и жеманами, и манерами. Эта литература, созданная на потребу колониально-буржуазной буржуазии, великолепно делала свое дело.

Проблема показа героя — описание собирательного типа, героя современности — проблема величайшей важности. Только в условиях диктатуры пролетариата мы можем ее поставить и разрешить во всю ширь.

Из речи на пленуме ЦК ЛКСМУ.

Теперь очень часто слышишь это выражение: «герой». Какое, кстати, понятие вкладывается в это слово? Кто является героем? Нельзя же просто сказать молодому рабочему и крестьянину: стремись быть героем, не расшаривая, какой смысл мы в это слово вкладываем, не разъяснив, что значит «герой» в нашем пролетарском понимании. Героими были отважные мореплаватели, путешественники, охотники за черепами, разные колонизаторы. Героими были также и различные фаталисты, испытывающие судьбу. Наше понимание героя коренным образом отличается от того, которое внушалось молодежи старой литературы.

Пролетарская литература должна создать собирательные типы героев социалистической стройки и классовой борьбы, которые владели бы умами миллионов молодых трудящихся, с которых они могли бы брать пример. И мы требуем от наших литературных организаций, от пролетарских поэтов и писателей, чтобы они своим творчеством, своим мастерством хорошо описали бы тип героя социалистического строительства, который бы отражал стремление передовых борцов за социализм, описание которого заставило бы каждого молодого рабочего и крестьянина подумать: да, я хочу быть таким же, я хочу походить на него, он является моим идеалом.

Пролетарская литература должна помочь партии и комсомолу вооружить массы силой примера, показать ей образцы поведения. Это в значительной степени облегчало бы нам задачу коммунистического воспитания подрастающего поколения.

портрет и анкета — герой описан

Центральной фигурой пролетарской литературы должен стать ударник, являющийся героем современности. Вот на него-то и нужно ориентировать подрастающее поколение. Описание ударника не занимает надлежащего места в нашей литературе.

Правильно ли и достаточно ли пролетарская литература показывает этого героя? Не всегда и недостаточно. Нередко над показом героя работают небрежно, недопустимо слабо, упрощенно, без любовного отношения к этому делу. Как описывается часто герой? Берется фотографический снимок ударника, к нему даются более или менее краткие биографические сведения — вот вам и готов герой. Скажут: упрощаешь вопрос. Возможно, в известной мере. Но мне дает право так заявлять то обстоятельство, что мы до сих пор не имеем нужной приличной книги об ударнике. Вместо этого, повторяю, имеем фотографический снимок, а затем идет: социальное происхождение такое-то, год рождения такой-то, производственный стаж такой-то; добросовестно рассказывается, что герой сделал такие-то рационализаторские предложения, поднял на столько-то процентов производительность труда и что дома у него на полке стоит полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Герой описан.

А что дает такой показ наших героев уму и сердцу молодого рабочего? Очень мало. Пролетарские писатели, объединенные РАПП, должны с большей ответственностью подойти к показу героев социалистического строительства, должны с большей любовью описывать их, заигая своим творчеством сердца молодых читателей. Сейчас этого нет.

из рапповцев сделать большевиков

Говорят, что ленинский комсомолец мало занимается вопросами литературы. Возможно. Мы эту вину, не в пример другим, признаем. Работу с писателем улучшим, окружим пролетарских писателей еще большей заботой, будем им больше помогать в их работе и это мы уже начинаем делать. Но, ведь основная работа в этом направлении в первую голову ложится на плечи РАПП. А вот РАПП здесь «скромничит о своих недостатках; не всегда хочет признать их открыто и не совсем любит, когда ему о них говорят. Вот вам и отношение

«самокритике. РАПП самокритику не любит. Мы должны разбить это положение и разобьем. А иногда бывает и так, что ответственность за недостатки пролетарского литературного движения (например, из рук вон плохую учебу молодых ударников, призванных в литературу) товарищи из РАПП пытаются переложить на других, в частности на ленинский комсомол. Мы согласны отвечать за свои ошибки и недостатки, если они имеют место в рядах ленинского комсомола. Но мы против того, чтобы кто-либо из РАПП прятался в кусты. Это недостойно большевиков.

Мы РАПП критиковали, будем критиковать и помогать ему изжить недостатки движения. РАПП думает, что кроме него, никто ни черта не понимает в литературе. Поэтому всякую критику РАПП считает излишней. В частности мы не можем обйти молчанием тот факт, что в среде различных литературных объединений, в том числе и в РАПП, систематически наблюдается беспринципная группировщина. В чем тут дело? Если речь идет о тех спорах, где товарищи деловым образом ищут лучшие формы и методы творчества, если речь идет о той борьбе, где товарищи дают отпор чуждым идеологическим установкам—это хорошо, это полезно. Мы не против этого. Мы говорим о другой драке, в природе которой лежат чванство, кичливость, обывательство, мешанинство. Против этого мы решительно должны выступить. Ни для кого не секрет что в писательской среде существуют такие явления, когда один писатель или поэт другого не уважает, не хочет с ним считаться, не хотят друг у друга учиться, потому что, видите ли, он считает себя лучшим, потому что он считает себя классиком. С этим надо бороться, надо установить творческие отношения между пролетарскими писателями, в основе которых лежали бы большевистская идейность и принципиальность.

Очень часто некоторые товарищи из РАПП объявляют непогрешимой какую-то свою особенную линию (на проверку оказывающуюся линией какой-либо группы) и забывают о том, что прежде всего для них обязательна партийная линия. Поэтому и бывают у них порой (как выступал один из литераторов), что «из большевиков они стремятся сделать рапповцев, в то время, как надо из рапповцев воспитать большевиков.

О чести мундира и самокритике

«Генеральной линией РАПП или комсомола быть не может. Есть одна генеральная линия партии, она является линией и комсомола и всех других общественно-политических организаций нашей страны. Элемент чванства, зазнайства, кичливости и обывательщины рождаются только в итоге недостаточной связи с массой и в результате слабой самокритики. Большевистская самокритика, с одной стороны, чванство, кичливость, зазнайство и обывательщина, с другой—эти два явления несовместимы, они друг друга исключают. Нам кажется, что в среде литературных организаций самокритики имеется мало, она подменяется част искусственными, непринципиальными спорами, которые вряд ли способствуют процветанию пролетарского литературного движения. Не этим ли объясняется та, не совсем товарищеская обстановка, которая была создана на последнем пленуме РАПП вокруг тов. Панферова и товарищей, которые его поддерживают.

Между ленинским комсомолом и РАПП политических разногласий нет. Речь идет об отдельных, хотя и многочисленных важнейших проблемах в работе РАПП, с которыми ленинский комсомол не хочет мириться. Речь идет о том, что и писателей нужно заставить уважать большевистскую критику, как важнейшее средство творческого роста самих писателей, как важнейшее средство повышения их большевистской квалификации.

Никакая литературная группа не может аргументировать именем комсомола, ибо во всех вопросах, в том числе и в литературных, ленинский комсомол имеет только одну линию партии. А она, эта партийная линия, исключает наличие тех отрицательных явлений, о которых речь шла выше.

Товарищи из РАПП не любят самокритику, у них в сильной степени развита «честь мундира», они готовы сокрушить тех, кто недостойно отзывается о них. В частности ленинский комсомол особенно убедился в этом за последнее время своей работы. Нам не испугаешь. Мы не пугливы. Партия заставит уважать самокритику, а не наплевательски относиться к ней. Товарищи из РАПП это должны помнить и не забывать.

В авторемонтных мастерских моторама I ударная красно-знаменная бригада социалистически перевыполняющая профзадания, перешла на хозрасчет на смене лучшего ударника бригады: бульдозер бывший беспрозорник и черпак, работает на штампочном стане.

Бригада рабочих авиаремонтного цеха завода «Дукано» пишет заявления о вступлении в комсомол. В бригаду входят гг. Соколов, Игнатков, Зайцев, Харитонов, Тихонов и Сидоров

за комсомольскую ЛИТЕРАТУРУ

Молодой читатель предъявляет требование на художественную комсомольскую литературу не поэму, что ему «любопытнее увидеть образ комсомольца в художественном произведении. Молодой читатель от художественной книжки требует ответов на актуальные вопросы комсомольского сегодня.

Совершенно правильно указал т. Косарев, что пролетарская литература должна помочь партии и комсомолу дать молодому поколению направление в жизни. Эта задача весьма ответственна.

К сожалению, наша литература не успевает за темпами жизни комсомола. На этом участке художественной литературы мы имеем permanentное отставание. Многие писатели и пролетарские, и попутчики, и союзники, до сих пор еще продолжают разрабатывать «вечные» проблемы молодежи—проблемы пола, любви и т. п. Во всяком случае, такого рода «любвиной» литературы о молодежи у нас больше чем достаточно.

В настоящий период, период ожесточенной классовой борьбы, враждебные нам классы всячески ратуют за влияние на молодежь. Разве мало за последние годы появилось книг, открыто или замаскированно возущающих молодежь от строительства и борьбы к интимной жизни, к пассивному, к обывательскому созерцательству?

Совершенно недавно появились в свет целый ряд произведений, извращающих жизнь и быт рабочей молодежи, комсомола, пролетарского студента.

Особенно пострадал от такого художественного покаянства пролетарское студенчество.

А что мы можем противопоставить фронту этой враждебной и халятурной литературы?

Из прозаических произведений можно указать на такие, как «Прорыв» Платошкина, «Крутая ступень» А. Каравашевой, «Без ямы» Хмыря, несколько книжек рабочих-ударников, призывающих в литературу, несколько сборников очерков. Но это почти все.

Немного лучше на фронте поэзии. Комсомольская тематика в поэзии является пока что чуть ли не монополией нескольких комсомольских поэтов.

Громадную роль сыграли и играют по сие время комсомольские стихи Маяковского, печатавшиеся в свое время на страницах «Комсомольской правды» и комсомольских журналов.

Опыт Маяковского наглядно показывает, что делать комсомольскую литературу могут не только молодые по возрасту писатели-комсомольцы, но также и «взрослые» писатели. Безмянский и Жаров — любимейшие поэты комсомола—продолжают работать над комсомольской тематикой. «Выстрел» Безмянского, несмотря на все недостатки, о которых в свое время писалось, является первым произведением пролетарской литературы о комсомоле—инициаторе социалистического соревнования. Новая поэма Безмянского «Социализм», написанная к IX съезду ВЛКСМ, и последние стихи Жарова показывают, что эти два поэта идут в авангарде комсомольской поэзии.

На чрезвычайно низком идейном и художественном уровне находится творчество поэта Джекя Алтауэна. Вредность его по-

эмы «Безуслий энтузязм» общезвестна. Мы знаем, на какого класса идет вздох «О, если б я родился раньше»...

Стихи Алтауэна, появившиеся после «Манifestа», также поражают идейным ужасом. Несмотря на актуальность тематики некоторых его стихов (напр. стихотворение к IX съезду), они представляют собою набор общих фраз. Действительность лишается своего многообразия в стихах Алтауэна благодаря низкому уровню его мировоззрения.

Кто же виноват в том, что наша художественная литература о комсомоле чрезвычайно отстает от темпов работы и жизни комсомола? Разумеется, большая доля вины падает на те литературные организации и на самих писателей, которые почти не ставят вопросы комсомольской тематики в порядок дней своей работы. Мы в праве задать вопрос литераторам и прежде всего рапповским организациям: на каких совещаниях, конференциях, пленумах ставились серьезно вопросы о покаянстве комсомола в художественной литературе?

Совершенно прав т. Косарев, когда он заявляет:

«Говорят, что ленинский комсомол мало занимается вопросами литературы. Возможно. Мы эту вину, не в пример другим, признаем. Работу с писателем удлиним, окружим пролетарских писателей еще большей заботой, будем еще больше помогать и их открыто и не совсем открыто, когда ему о них говорят. Вот вам и отношение к самкритику. РАПП самкритику не любит. Мы должны разбить это положение и разобьем».

Только за последние время мы имеем сдвиг в сторону большего уделиния внимания вопросам комсомольской художественной литературы. О таком повороте свидетельствуют доклад тов. Косарева на II пленуме ЦК ВЛКСМ, а также его последняя речь на пленуме ЦК ЛКСМУ и выступления тов. Троицкого на пленуме ЦОАП. За последнее время вопросам комсомольской литературы стало больше внимания уделяться со стороны центрального органа комсомола—«Комсомольской правды», а также центральных комсомольских журналов—«Молодой гвардии» и «Смелые».

Кому этому следует приписать, что в самой комсомольской литературе заложены причины, обуславливающие ее отставание от современного этапа социалистического строительства. Произведения комсомольской литературы, за редким исключением, характеризуются далеко недостаточным уровнем мировоззрения; многие пролетарские писатели, пишущие о комсомоле, не умеют глубоко проникнуть в действительность, изобразить ее во всем многообразии. Вместо этого мы зачастую наблюдаем схематизм, скольжение по поверхности явлений действительности, лакировку этой действительности.

Перед комсомольскими писателями во всю ширь стоит задача овладения марксистским

мировоззрением, подлинно диалектико-материалистическим творческим методом.

Перные, правда, еще слабые, веки, показывающие пути к созданию подлинно комсомольского сектора пролетарской литературы, уже намечаются.

В книжках Родионо, Оревоцкого, Вишневого, Платившевой и др. показана большевикская работа комсомольских ударных бригад. Эти книжки зовут комсомол к борьбе за дальнейшие победы на фронте социалистического строительства. Правда, эти книжки далеко до художественного совершенства, в них чувствуются схематизм, поверхностность. Однако появление этих произведений—факт очень отрядный.

Большое место в комсомольской литературе занимают очерки Г. Киша, Л. Овалова, Мих. Гольдбергера, Кронгауза и в прошлом Б. Галина, Е. Строгой, печатавшиеся в «Комсомольской правде» и «Смелые». В этих очерках ставились и разрешались важнейшие проблемы комсомольской жизни.

Во все эти достижения ничуть не опровергает нашего утверждения о том, что фронт комсомольской художественной литературы все же оголен и требует усиленного внимания комсомольских и рапповских организаций.

Нам необходимо уделять больше внимания также и попутчикам, работающим над молодежной тематикой. Некоторые из них, протискиваясь свое прошлое, стремятся перестроиться и шаг за шагом к комсомолу. В этом отношении чрезвычайно характерен творческий путь Кирсанова. Этот поэт имеет за своей спиной тяжелый груз левых книг (сборник «Слово предоставляет Кирсанову», поэма «Последний современник» и др.). Однако упорная работа Кирсанова над своим мировоззрением позволила ему написать ряд ценных, актуальных произведений. Его «Яти-летка» и сборник «Дарный квартал», в котором преобладает комсомольская тематика, несомненно на ряд недостатков и не совсем предоставляет оснований зачислить творчество Кирсанова лицом к комсомолу. Таким поэтам, как Кирсанов, необходимо всечески помогать в их перестройке в союзники пролетариата. Тем более стараться поэзии Макадоновых, стремящихся отбросить у Кирсанова всякое желание перестроиться. Их критика правды и лжедемократизма. «Комсомольская правда» справедливо дала отпор вылазке Макадонова, идущего вразрез с установками РАПП о чутком отношении к попутчикам.

При обсуждении проблем комсомольского сектора пролетарской литературы, особенно бросается в глаза отсутствие наших литературно-художественных критиков. Ни одной фундаментальной работы, посвященной литературе комсомольской литературы, еще не написано.

Между тем нам необходима иная критика—боевая, публицистическая, бьющая классового врага в литературу, помогающая задавать настоящую литературу, мающую в ногу с комсомолом. Эта критика должна чутко оценивать каждый новый произведение, выдвигая все ценное и беспощадно борясь с халятурой и приспособленчеством. Между тем в настоящее время нередко хорошая книга о молодежи критиков замечается, а менее удачная превозносится.

Нужно всечески приветствовать идею создания творческих группировок комсомольских писателей. Такие группировки уже созданы в Москве и Ленинграде. На Украине уже давно существует творческое объединение комсомольских писателей «Молодник».

Однако всечески приветствовать создание творческих группировок от опасности стиховщины, отгораживания от общих задач, создающих перед пролетарскими движением, с одной стороны, и противопоставления их комсомолу, с другой, ЦК и ЦО. Таким путем противопоставить ту или иную творческую группу ЦК ВЛКСМ необходимо даже реальный отпор.

Литература, отражающая героическую работу комсомола в строительстве социализма, должна быть создана, и она будет создана.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверх-человеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного единого великого социалистического механизма приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса.

ЛЕНИН

(Партийная организация и партийная литература)
1905 г.

о термине

„Комсомольская литература“

В нашей критике о комсомольской литературе существует большая путаница. До сих пор у нас нет точного ответа на вопросы: что такое «комсомольская литература», «комсомольский писатель».

В свое время находились теоретики, пытавшиеся доказать, что термин «комсомольский писатель» несостоятелен, что комсомольской литературы быть не может, ибо существует только пролетарская литература, буржуазная литература и т. д.

Такие академические «теории», совершенно оторванные от практики, являются плодом схоластического теоретизирования. Нет нужды доказывать, что практика камня в камень не оставила от такого рода теорий.

С другой стороны, мы имеем целый ряд фактов, когда то или иное произведение называют «комсомольским» лишь потому, что «героем» произведения взят комсомолец.

Между тем не стоит доказывать, что выбор темы еще не решает вопроса о мировоззрении писателя и его классовой принадлежности. Что же мы должны понимать под термином «комсомольская литература»?

Комсомольская литература — участок пролетарской литературы, характеризующийся комсомольской тематикой. Таким образом комсомольским произведением можно называть такое произведение, которое, являясь пролетарским, показывает жизнь и работу комсомола и ставит специфические комсомольские проблемы.

Молодежный сектор пролетарской литературы мы называем комсомольской литературой, включая сюда одновременно два признака — классовый и тематический.

Вот как, нам кажется, следует понимать термин «комсомольская литература».

„ПИИИ НАМ ЕЩЕ“

(из записной книжки редактора)

Я передиставно рукопись, которая могла найти место только в портфеле редактора. Прислала она была в журнал, теперь упомянуемой лишь в картотеке Ленинской публичной библиотеки. Рукопись называется «Поэтика редакционной корзины». Писал ее формалист — человек типически идеологич. Рафинированным эстетическим вкусом «взвешивающего буржуа» могла соответствовать только тухлая гастрономия редакционной корзины. Это была литературная продукция, находившаяся на одном мировоззренческом уровне с создателем ее поэтики.

— А это куда? — спросила меня секретарь. А это бросьте в редакционную корзину. Есть ли в Смене редакционная корзина? У нас пять провокационных редакционных корзин. По числу столов и сотрудников. В редакционную корзину были выброшены вычерпаные газеты. Кроме того туда мы бросаем:

а) открытые конверты; б) обрезки гранок; в) испорченные бланки.

Советую каждому у себя в комнате или общежитии завести такие редакционные корзинки. Это значительно помогает сохранять чистоту.

Он приносит стихи лавкой. Он их предлагает, не предлагая, а навязывает, как давно залежавшийся товар. Только одним желанием — скорей сбыть с рук очередную пачку листочков — живет этот лавочник. Ему, в сущности, совершенно безразлично какую оценку дадут его творчеству. Он быть может даже удовлетворенней чувствовал себя, если бы его вещи не печатались, а только опачивались. Этого человека мы все равно не можем убедить в своих требованиях. Это тот, кто считает себя величиной, но утмещающейся в тесных рамках «неповиновшей» его эпохи, кто считает нас, сидящих в редакции, тушинами и литературными неудачниками.

Пачка начинается так:

«...Как азбуку, знаете Союз наш,
Где к творчеству призвана юность,
Где знания в руках комсомола,
Оргет вам: «За нами, кто молод!»
Девиз наш:
Борьба, серп и молот.
Горнист — заводская туба.
И мир на два стана расколот:
На бар и раба.
Об этом стучит барабан».

Стихотворение называется «Старташам».
А поэт — приспосабливаем.

А вот бывший «кадр» «Смены». Теперь он исполненный автор поноющего собрания сочинений. Когда-то он был одним из популярных комсомольских писателей. Теперь он приходит только «перепечатываться на даровой редакционной машинке».

— Ты дашь нам что-нибудь в номер? — спрашивает редактор.

— Ты что уходишь, Миша?
— Нет, я здесь, — отвечает уже за дверью silently скрывающийся спина.
Не об этих авторах разговор.
Конверты, вывернутые наизулку, конверты из сахарной бумаги.
Заклеенные с такой старательностью, что столетний клеи যায় за пределы отпущенной ему «лоцциды».

— Опудра пишут?
Мой адрес: Кир. АССР, гор. Дж. Абд., с. Ак-Мечеть, Ивану Д.
Мой адрес: Автономная область Коми, г. Усть-Сысольск, местность «Париж», дом Макарова.
Мой адрес: Нью-Йорк, Артемьевского округа.
Управление «Коксобоизола».
Кто пишет?
— На 90% комсомольцы.

Все реже псевдоним.
Не наследство ли буржуазной литературы стыдиться «неблагозвучности» своей фамилии и писать под вымышленной.
Ребята пишут точно. Адрес фабрики, цех, номер рабочего табеля и даже комсомольский стаж.
«Константин Георгиевич М. Член ВЛКСМ с 1926 г., кандидат ВКП(б). Рабочий выдвиганец 1910 года рождения. Сын батрака крестьянина» (г. Владивосток).
«Мне 18 лет, учусь в школе №3 на третьем курсе, комсомолец с 1927 г., являюсь активным юнкором газет» (станц. Лоозава).
«В течение двух-трех лет я буждал по окраинам Одессы, был в буквальном смысле безпримырым и в конце чисткашником сапог... С того времени я прошел много этапов. Был членом ЛКСМ. Сейчас уже член ВКП(б). Проработал 9 лет на производстве. Сейчас работаю на ответственной работе. Н. К. (Харьюк).
«Я К. Е., ученик тогара завода № 3, шк. ФЗУ. Секретарь колллектива комсомола. В комсомоле с 1928 г., № билета 22614, парт. билет (канд. партчка) № 5967. Член профсоюза с 1930 г. с 1 января, № проф. билета 8120».

Глаза видят строку,
Не могу молчать!
Поэтому стою,
Я начну писать.

(К. Е.)

Вот кто пишет в «Смену».

Поговорим о корреспонденции только двух последних месяцев. Все наши рукописи, дорогие пишущие чланы, находятся в перемурованной охранности. Они остались наращивать архивный стаж. Как и копии ответных писем. Всем, всем, всем, не усвоившим технику редакционной работы, сообщаем:

- 1) есть особые карточки, регистрирующие рукописи;
- 2) есть контрольная картотека прохождения рукописи;
- 3) есть архивный шкаф, совершенно недоступный, кристальной «любовательности».

Мы можете зайти в редакцию через три года, перенести свою рукопись и, быть может, мысленно созваться:

— Теперь я напишу лучше.

Есть ли «редакционная тайна» наподобие врачебной?
В журнале рабочей молодежи, познчим почтительное знание органа ЦК и МК ВЛКСМ, подобная тайна распространяется только на сохранение псевдонимов. Но тайну творческих вкладов, переработанных в сумму законченных политических ошибок, мы не гарантируем.

Два автора-комсомольца прислали материал со следками такой «документальности», которая заставила «Смену» послать письмо:
В ячейку ЛКСМ киевского завода «Ленинская кузница».

«Товарищи! Просим обратить внимание на прилагаемый материал, адресованный в редакцию «Смены». Если авторы его комсомольцы, то недостаточно указать им на всю абсурдность их предложения. Здесь уже стоит вопрос о их политической неграмотности вообще. Если же»

рис. в. васильева и м. лазушко

Рафинированный эстетический вкус мог бы соответствовать только редакционной корзине

Этот бывший кадр «Смены», теперь он ходит только «перепечатываться»...

Только один писатель, обитая сервом с ртутной оберткой яичку, знает этот лавочник

рой Подуны только плод их большого воображения, то непонятно, как они могли допустить возможность существования такого комсомольца. Во втором случае еще хуже. Если Подуны действительно существует, то почему люди, знающие его бредовых идеях, не поставили о нем вопрос на обсуждение ячейки?

Редактор (подпись)

Парень, приславший сухую газетную заметку, пишет:
«Я комсомолец-украин, слесарь-инструментальщик — привязник в литературе. Я имел возможность ознакомиться и садиться за строительство завода Комбинорм и написал сер очерк о строительстве его. Фотографии завода не имел возможности дать. Послалю вам свою фото-карточку. С приветом (подпись).
Надеемся, что парень, увидя ее, поймет, почему мы это делаем».

Фото-картону прислаивают
два текста. Маленький, по-
прежнему, удавая его, ползает, поче-
му мы это делаем?

Имеет ли место неуклюжий подход? Не ду-маем. Вот крайний пример:
1-е письмо (от 13/Х):
«Неужели в редакции «Смена» сидят еще люди с бюрократическим уклоном? Может быть, они даже пишут статьи? Но внимательное отношение к начинающему автору... Содержание моего стиха имело место в действительности. Если оно будет напечатано, мне кажется, оно принесет большую пользу в деле выполнения ударного задания» (из Приписки МТС, Ник. И. (г. Магистогла).

У паря благие намерения. Но он не уяснил главного: не все то, что имело место в действительности (в данном случае прорыв на МТС), должно найти место на страницах «Смены». Стихотворение все-таки остается слабым. Редакция, повидимому, убедила автора. Вот его второе письмо (от 29/Х):
«Несмотря на ваши сердитые ответы, я снова посылаю вам два стихотворения... Прощу вас
Н. Ц.»

Разница в тоне заметна.

Редакция, как бюро справок, должна быть готова к самым разнообразным запросам от своего любознательного читателя.
«Какже надо исправить дефекты в черковке в процессе подготовки и учебки в аэшинок?»
Но основное содержание писем все-таки творческая продукция.

Пока критики Бекеры ходят по литружкам и доказывают, что пролетарский очерк—это такой очерк, который исходит от необходимости преобразовать действительность (как будто нам неужно еще какие-нибудь жары, которые не исходят из этой необходимости)—пока они это доказывают, «ожесточения почта приносит в редакцию, кроме «жесточек», еще стихи, поэмы, повести, рассказы, дневники, фельетоны, рэшилки и пр. Тут надо тотчас же подчеркнуть имеющуюся кое-где недоучку очерка,—это поединку боевое и быстротражающее оружие пролетарской литературы. С такой недоучкой «Смена» бороться и должна бороться самым решительным образом.

Но вопрос сейчас стоит так: должен ли редактор, как это делают некоторые литературные функционеры, предавать позу-лоуку? — Переходите на прозу. При чем нам лучше всего подойдет очерки.
Вопрос остается открытым.

«Весь я хочу научиться правильно и интересно функционировать и излагать все виденное и пережитое»,—пишет И. Д. (Облас). Редакция остается помочь реализовать это стремление. Но И. Д., как 80% остальных пишущих, пишет стихами.

И стихам сегодня наше главное внимание. Ведь мы ничего общего не имеем с редакцией журнала, некогда написавшей на своей двери: «Стихи оставляйте там же, где и калоши». Интересно-литературным делом. Любят читать и писать стихи. Свободное от занятий время в часам затрачивают на составление стихов. И. Е. (г. Тюмень).
«Я рабочий. Пишу после работы или в дни отгула. Конечно, много поработать не напишешь, но муштвовано—писать стихи надо, и писать хочется».
С комсомольским приветом И. К. (г. Челябин).

«В виду великой социалистической стройки в нашем Союзе, в виду громадного подъема нашей страны,—в моем письме прилагаю два стихотворения. Я сам работаю от завода Новая Ляля на постройке железной дороги».
И. Д. (Уральская область).

Перейти грань—значит выйти за границу личного, дозволенного. И вот из стихика «Ты идешь, переходящий, все грань,
И выводишь всю массу из тыма.

Проводник у тебя—стойкий Сталин,
Ключик тебе—это мы!»
Сказать про нашу партию: «ты идешь, переходящий все грань»,—это значит самым недопустимым образом оскверняет ее, итти в раскрытые объятия правых оппортунистов. Вряд ли этого хотел автор И. Ф., сообщивший тут же о себе:

«Родился я в 1904 г. 24 февраля (ст. стиль) в Калужской губ., в Калужском уезде, в дер. Туранино, в бедняцкой семье. Образование имею низшее. Занимаюсь самообразованием. С 1923 года состою в комсомоле. Парень, вероятно, хотел выразить ту мысль, что партия идет вперед и преодолевает все границы (границы действительности). Какой тут ответ могла послать редакция? Конечно один: «Занимайтесь самообразованием, себе надо обратить особое внимание на самую основу грамоты, на смысловую сторону слов...» и т. д.

«Страна, где правит пролетарий,
Где жизнь свобода и веселье,
Горит огнем воспоминаний,
Как лютя наметила она».

«Прощу прислать последствие моего стиха. П. Ш. (Донбасс).

«Последствие» послано, но перед редакцией впропуск.
Как лучше направить этот стихийный поток, как придать самостоятельному творчеству организационный, общественный характер?

На это отчасти отвечают сами же читатели: «Мы—комсомольская группа организуем при ФЭС и т. д. литературный кружок, который будет непосредственно связан с пролетарством. Так как у нас нет хороших руководителей, просим журнал «Смена» взять на нас шефство и прислать надлежащие рекомендации» (подпись).

Шефство взято.
Так крепится связь с читателями.

«... в «Смене» засилье фото. Возьмем, например, № 19. Чем это объяснить? Некажется художником? Надо журналу изменить оформление. В. К. (Москва).

Содержание же письма формулирует иное отношение:

«Большой формат «Смены» со множеством фотографий, рисунков, карикатур, а также и с достаточным количеством художественных произведений комсомольцев привлекаю мое внимание, благодаря чему я решил стать не только его подписчиком, но и юнкором.

С приветом комсомольцев-новичек И. Ш. О вкуса, следовательно, спорят.
Наше отношение к качеству помещаемого в «Смене» литературного материала, о рисунках, о фотографии, о печати, верстке, о тоне всего журнала.

Мы не отдаем особого предпочтения отдельному виду изображений.

Весь вопрос очевиден: в глубине его классово-целевого назначения.
Как хороший публицистический рисунок может в отдельном случае убедить больше самого отягченного фотоснимка, так и рядовая фотография своей документальной достоверностью может оказаться в первом ряду по своему воздействию.

«Прощу редакцию ответить: что за снимок был в журнале «Смена» в № 4 1931 г., на 2-й странице, что за лица в старейших комсомольских фото? Если это военно-морские школы и моретехникума, то прошу редакцию скорей ответить адрес, где находятся морские учебные заведения» (М. К.).

Надо ли говорить, каким удовлетворением редакция ответила на эту просьбу... Цель была достигнута.

Растет многоиндустриальный комсомолец—растет качественно и количественно наш читатель. Сам комсомолец в тесном сотрудничестве с Рапом должен выдвигать авторские кадры «Смены».

Поможем молодому рабочему-ударнику овладеть литературной техникой.
Заполним страницы «Смены» произведениями комсомольцев, пришедших в литературу.

Мы ставим перед трамплином движением вопрос так:
Не театр для рабочей молодежи, а театр рабочей молодежи.

Здесь по анекдоту мы должны поставить вопрос перед пролетарской литературой: не только комсомольская молодежь, но и книжка о молодежи, сделанная самой рабочей молодежью (г. Ленинград).
Этому вопросу мы и посвящаем сегодняшний номер «Смены».

Но лучше присылать фото-картону, чем писать так, как П. Р. (Тула):

«Люб что: отпечатайте стихи без всякого горюшка... Говорите куда хотите делайте. Може вынуть себе. Я нам много подписчиков на «Смену» могу дать. Пятьдесят человек; больше... Издайте... а?»

«Товарищ редактор! Материально я обеспечен крайне плохо. Страница 45 р. Не хватает даже на питание. От стипендии получаю по 62 коп. в месяц. Последний раз 92 коп. получу, а остальные вычитают на культданы, заем, стол, касса и мн. др. Так что прошу, если поместите, то попоритесь с гонораром» (В. К.).
Здесь основная ошибка—надежда на лит. заработок. Надежда, которую, увы, пока можно подкрепить только обобщением: «Плши и еще».

«Сады такие синие, синие. Небо мало выглажено. Разоколенные берега уехали разношерстием. На площади четко выравнялись рябенькие. Промысла сошли параллельно застыли эскардыны самолетов. Из удивленной арки, сжимая камень лица, кто-то сказал».

Таких два десятка абзачей. Все под тремя заедками. Десятый раз слово «разоколенные».

На первой странице: «очерк электор», на последней:
«Перислаю вам этот производственный очерк о Днепрострое. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года, требую: во-первых: его напечатать; во-вторых: способствовать моему продвижению».

С приветом П. О. (Адрес).

Ответ редакции был несомненно скромнее:

«Товарищ О! Ты очень прератно повяла суть призыва ударников в литературу. Нельзя требовать, чтобы каждое произведение было бы напечатано. Произведение может быть очень слабым, недоходящим по содержанию и т. д. Призыв проводится для того, чтобы выдвинуть из рабочего класса писателей, но вовсе не для того, чтобы снижать качество печатной продукции. Твой очерк имеет много недостатков. Недостатки разнообразны. Есть совершенно непечатные фразы, например: «Разоколенные ребята уехали разношерстием и т. д.»

Отвечая редакции.
Базис, на котором неумолимо решение и сакраментальная фраза в конце: «Плши на еще».

Ответ можно переиначить, можно по-разному оценивать его, но смысла его остается один.
Удовлетворяют ли ответы?
«Товарищи из редакции! Ответ на последний мой стих «Страна требует металла» получила и очень довольна теми поправками и рекомендациями, которые мы там давали. Такое отношение к начинающим могут направлять в последних на правильный путь раскрытия художественных образов объективной действительности во всей ее сложности и действительности».

С товарищеским приветом
А. Степанов (Москва).

1

Шел, как шел,
И в прорубях глаз.
Как говорится,
„Ни тени героизма“.
Спецопка в грязи:
Паровозная грязь.
Самого
Обыкновенного свойства.
Плечами он тоже
Примы не берет:
(Не крутмы,
Не развертуты,
Не покаты).

Плечи Мартынова,
Наоборот,
Кажется мне
сухатыми...
Голос, как галос.
И было бы клезуно
Сравнивать (сбивая за „образность
кыма“)

Дыхание Мартынова
с Вестингаузом—
Обиделся бы наверняка...
Мартынов—
Парень простого вояков:
Без всяких кудрей,
Без чужового
блеска кожи.

Но я утверждал:
Он нам дороже,
Любого,
классического героя!
Такой вот:
В овидах,
в поту
и саже,
Не часто обртытый даме...

Поршень „шалит“,
и ни к чорту дышло.
И было, конечно,
известно всем:
Процентов этих
на восемь
(В редких случаях
шесть-семи)
Ремонт не годится совсем.
Или:
Пришел паровоз нездоров:
Золотники
на краю кочичны,
Но вместе
негодных золотников
Здоровый кинжтор чинят...
Мартынов и начальникту:
„Так, мол, и так.
Довольно
тннуть волюнку!“
Начальство в тушке:
Известно, мол, как...
работаем постаринке...
Советский вояк,
А дел ни гу-гу...
(Дрейфат за дело кнтысь!)
Саовом, на каждом шагу—
Безответственность и „прохлада“.

3

Много грязных работ в депо.
(Попробуй-ка,
слазь в топку!)
Но самая грязная
из работ—
Мыть
дымовую коробку.
Каждому ясно:
купаться в грязи
Жельанье
испальвает не часто.
Один „не может“
другой бузят—
Отдынивают
и бастал...
Табельщики верным
стал замечать:
Смотрит—
руками разводит.
Парень приходит
равные на час,
И возке других
уходит.
Бывало, пряха
не в 4, а... к трем,
Осмотрев у котла заклепка,
Мартынов
моет коробку и трет.
Да так, что
дует коробка!..

4

... Дни, как вагоны,
разнузи вперед...
В чересе свая
полнеше,
Мартынов в ячнпу
Свою берет,
„Товарищи!“
Есть предложение!..

Старший бригадир Н. Мартынов

2

Плохо ли:
четко наметанный глаз,
Рука
приручена к фрезеру,
Десятидцатилетний энтузиазм
И вчера
оставленное Ф37?

Плохо ли:
молодость светла
Невня грудь пыла,
И бьющая
песней сверла
Кроек комсомольца в жилдак?
Вот такой бы
крутой стопой
Каждому юноше
в жизнь трогаты...
Таким
Пришел Николай в депо
Октябрьской железной дороги.
Пришел и увидел:
„Исправлен на ять“
Паровоз
Из ремонта вышел;
Вонят из него
„Товарищи!“
шесть низа:

Много выведен
точный подсчет,
Польза большая
и нам в власти:
Я предлагаю
пунуть в оборот
Использованные части...“
И когда предложение
в жизнь провели—
Нехатка в чистых
на глазах увала...
...
*Обита расчулаки:
парень свой,
Парень не сласт,
видят—
Шибко напорист
и с головой—
С олдким
дело выйдет!
Стали конечно
ходить, вздыхать,
Спорт и зяется в роде:

Не плохо бы, дескать,
бригаду создать,
И Мартынова в руководи.
А тут как-раз
(собирались пока,
Спорили да вздыхали)—
Все общественность
И Це-Ка
На транспорт тройне нажали!
Ребята заврели:
На строчки скупов
Прямо по совеста
Резче и резче,
У самого входа
в контору депо
Сталинский лозунг хлещет:
Совестно, дескать,
В такой стране...
Стыдно, товарищи-братцы!
„По-большевистски,
пора наконец,
За дело
транспорта братцы!“

Крик ударился в стекло,
 В открытые форточки влету.
 Первое слово,
 нахмури лоб,
 Взя Николай Мартьяков
 — Ребят!
 Стоит ли лгать сейчас?
 По-воену, надо сознаться:
 Дело с ремонтом
 в депо у нас...
 Ни к черту
 дела не годятся!
 Мысливо ли этак
 налягать?.. то-есть
 Работать по-старому
 „на-авось“.
 В то время,
 когда, напрягась и стронь,
 Страна
 опирается на паровоз?!
 Позор, ребята! Позор в стыд —
 надо сказать напираник...
 Предлагаю
 сейчас сколотить
 Бригаду ударников по промывке!
 Сейчас же,
 из этом обрывать!..
 Но последнего слова никто не слышал:
 Его захлестнул,
 охладившая накал,
 Паводок рухослапаний.

5

Время, как поезд,
 часы сбивая,
 Нырнет и катится
 под semaфор...
 И, если в талько
 не ошибаюсь,
 Около года
 впрещло с тех пор
 То же депо
 и так же дымят...
 Но талько,
 выликув паров,
 Тутю профинила
 с девиной семя
 Выгулял на сто сороч!
 Но талько
 бригада ребят разрослась
 Разя, например,
 в четыре.
 Нередко открыто
 и громко гордятся
 Крепким своим бригадиром!
 А бригадир?..
 Он и зянт хоть,
 Но, время урывками выдрав,
 Изобретает
 „чашинный ход“
 С мольеобразным цинандром!
 И, чувствуя крепость его труда,
 Силу его уявства,
 Мне хочется крикнуть,
 Но крикнуть таж,
 Чтоб крик
 О границе Союза терся:
 Руку, Мартьянов!
 Опережь
 Эти горячие строфы,
 Шадай в комунизм,
 Уверен на груди
 Стрелой ленинской профал.

Октябрь—1931 г.

КОМСОМОЛ

г. Брованн

В творчестве молодых рабочих-ударников

Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь удостоивает дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль*.

И. Сталин

Прошло больше года с того момента, как РАПП и ВЦСПС, при ближайшем участии комсомола, объявили призыв рабочих-ударников в литературу.

Осуществление призыва, писал тогда секретариат РАПП, „должно сыграть и сыграет исторически поворотную роль в пролетарском литературном движении“.

Эти слова полностью оправдались уже в течение только одного года работы ударников в литературе. За это время ими написано много интереснейших книжек на боевые, ударные темы социалистического строительства и классовой борьбы.

Только на основе широкого развертывания культурной революции в связи с решающими победами социалистического наступления возможен был такой успех призыва рабочих-ударников в литературу. Продолжая боевые традиции пролетарской литературы, движение рабочих-ударников вписывает в ее историю, быть может, одну из самых ярких глав.

Не отрываясь от станков, не уходя с производства, активно участвуя в практике социалистического строительства и классовой борьбе, ударники в то же время являются и передовыми работниками пролетарской художественной литературы.

В образной форме они передают свой боевой опыт социалистического труда на предприятиях широким массам строителей социализма. Будучи передовиками соревнования и ударничества, они заражают массы трудящихся своим энтузиазмом и преданностью делу социализма. Потому-то и ценны небольшие книжечки рабочих-ударников, что они представляют собой стружки пролетарского мировоззрения, правда, еще недостаточно высокого, раскрытого на актуальной тематике реконструктивного периода.

Книжки молодых ударников нам интересны еще потому, что в них главным действующим лицом является комсомол.

Комсомол—инициатор соревнования и ударничества, организатор трудового энтузиазма масс, борец за большевистские темы, за качество продукции, за изобретательство и рационализацию—вот каким мы видим его на страницах книжек молодых рабочих-ударников.

На Панютинском вагоно-ремонтном заводе Южной жел. дор. 10 мая 1929 года организовалась первая ударная комсомольская бригада плотников. Ударник-комсомолец П. Оровецкий, член бригады, рассказывает об этом событии в книжке „Сила примера“.

Мысль об ударничестве возникла, недолго обсуждалась и... «когда загудел гудок, и со двора к немкам потянулись цепью рабочие, у нас уже окончательно созрело решение стать ударниками».

Молодежь поддерживала, восхищалась нашими планами и начала обсуждать, как развить ударничество в цеху.

В этот же день мы подали удивительно директору бумажку...
 На «бумажке» плотники-комсомольцы Кишинский, Горбюхов и Оровецкий просили «выделить их в отдельную ударную комсомольскую бригаду».

Так зародилась в Панютинском вагоно-ремонтном заводе ударничество.

Но каждое наше строительство, каждое предприятие—участок ожесточенной классовой борьбы. Ударник Оровецкий понимает это и, хотя неглубоко, не до конца осмысливая вопрос, развертывает картину классовой борьбы на предприятии.

Первые ласточки соревнования встречены на производстве достаточно холодно.

«Вскоре мы узнали, что бригада Одровола отказалась от соцсоревнования. Нас это сильно огорчило».

Вызванные Брыксин, Хильченко, Харитонов тоже увильнули. А в цеху ядовитые усмешки, разговорчики, шуточки едкие...»
 Но это только начало борьбы. Остальные рабочие, играя шарку классовому врагу, противодействуют развертыванию соревнования и ударничества.

От насмешек и издевок они переходят к более серьезным действиям. Бригаде подсовывают вагон с лопнувшими кривошестейм для того, чтобы подорвать ее автотрент в глазах рабочих».

Явный подкулачник плотник Мартьянов принуждает разнообразные планы борьбы с ударничеством. Его поддерживает отсталый элемент только что пришедший из деревни, не переваривший еще в пролетарском котле.

Но ударники не упирают и в борьбе с классовым врагом берут приступом трудности одну за другой. Яркое доказательство Оровецкий бригадников, одержавших ряд производственных побед и обративших на себя внимание руководителей предприятия.

Мастер Матвеев обращается к ударникам с неожиданным предложением...

«Матвеев бетанился у рамы вагона без единого кусочка дерева, рамы, только что вышедшей из слесарного цеха. Надо было поставить совершенно новый кузов, и Матвеев, постукивая по шедлеру метром и улыбаясь, спросил:

Возьмете?»

Молодым плотникам, занимавшимся до сих пор только мелким ремонтом, поручают такое большое дело.

«Мы не верили своим глазам и ушам.

Сделать новый кузов вагона! Да ведь это счастье! Это проявление высшего доверия к бригаде.

Новые вагоны давались только старым плотникам, испытанным мастерам, знающим вагонное дело.

И вдруг!... Нам новый вагон!»

Это переходный момент в жизни и борьбе комсомольской бригады. Она с честью справляется с порученной ей работой и добивается общего признания. Сила примера действует очень успешно, и социальное соревнование охватывает широкие слои рабочих завода. Но тут-то и сказывается то, что автор не способен пока еще осветить сложные процессы, происходящие в среде «старых» рабочих, вначале необдуманно относившихся к соревнованию, а затем ставших передовиками ударничества... При изображении этих процессов Оровецкий как и многие другие ударники—впадает в схематизм.

Если в показе отдельных проявлений комсомольского интуизма Оровецкий находится на более или менее высоком идейно-художественном уровне,—хотя и здесь ему еще предостoit огромная работа,—то при раскрытии всего рабочего коллектива, при показе в нем отдельных характерных рабочих, их мыслей и чувств, он оказывается подчас бескомпромиссным.

Вот, например, как показывает автор «перелом» в слесаре Дмитриевском, одном из тех, кто раньше энергично сопротивлялся ударничеству. Он...

«пришел в завком и спросил:

— Мне можно в ударника записаться?

Аким Квашников, председатель завкома, удивленно поднял брови.

— Да ты же ругал ударников!

Дмитриевский замялся и царкнул ногтем клеенку заводского стола.

— Ну, знаешь, не понимал... Я ж рабочий и тоже! Хочу за пятилетку... бороться. Знаешь, с кем не вывет...»

Конечно здесь нет подлинного, глубокого раскрытия социальной сущности поведения Дмитриевского.

С элементами схематизма и упрощения, проявляющимися из слабости мировоззрения и недостаточной литературно-творческой учебы, ударникам нужно решительно бороться.

Эти недостатки присущи и другой интересной книжке молодого рабочего ударника Вишневецкого—«Саяжская завкавка».

На красноварской обуюной фабрике «Спартак»—прорыв!

«За последние три месяца 150 тыс. пар сапог осталось тяжелым долгом промфинплана фабрики».

Как и у Оровецкого, здесь «на ступень» выходит комсомолец.

«Дашь организацию молодежной—смени!»—властно заявил комсомолец.

— Молодежь на борьбу с прорывом! Покажем революционную борьбу за промфинплан.

Лозунг комсомола был молодым подхвачен горячо и с полной верой в свои силы.

На «Спартак», как и на Панотинском вагоно-ремонтном, начинание рабочей молодежи встречает стену равнодушия. Но здесь равнодушие возглавляет сам... председатель фабкома Данилов. Он рекомендует комсомольцам «подждать», говорит, что они «зря горючку порют», что теперь не время организовать ударные бригады. Комсомольцы сразу же почувствовали «соль даниловских разговоров и свою борьбу за ударные темпы развернули, ломая сопротивление оторвавшегося от масс фабкома».

А между тем в среде некоторых рабочих пошли смешки и издевки. Тут, в начале, те же методы борьбы, какие показывает Оровецкий. Но как и у него, враги соревнования и здесь переходят к активным действиям.

При подсчете показателей, в конторе, подсовывают неправильные сведения по комсомольской бригаде и тогда оказывается, что она имеет наибольшее количество прогулов и дает наименьший процент невыполнения промфинплана.

Действительное положение было однако совершенно обратным.

Комсомольская смена показала блестящие образцы работы и послужила примером для всего предприятия.

Автор не дает в своей книжке развернутых художественных образов. Это ему еще не под силу.

Вот как показывает Вишневецкий стоящего в центре ударнического движения на предприятии, комсомольца Сашу Заснобина:

«Пара за парой вылетают из-под рук Заснобина еще неотделанные, неуклюжие сапоги. Сегодня Заснобин работает как-то особенно лихорадочно. Ни одной секунды перерыва. В голове целый рой мыслей. Саша хорошо понимает, что молодежь взяла на себя ответственную задачу. И эту задачу надо выполнять. Всю свою полную энергию, все силы надо направить! Пусть видят старики, что не зря, а с пользой бурлит молодая завкавка на фабрике».

Вишневецкий пошел здесь по линии поверхностного описания, и конечно образ Заснобина оказывается потому чересчур схематичным. Заснобин быстро растет на работе, крепнет и в заключение избирается председателем фабкома вместо оппортуниста Данилова. Весь интересней и показательный путь Заснобина автором раскрыт неглубоко, хотя основные линии его роста схвачены правильно. Вишневецкий понимает, что движет Заснобиным, какова основа его интуизма и преданности социалистическому строительству, но полной и развернутой идейно-художественной картины он дать пока еще не может.

Обе эти книжки, как и ряд других не менее интересных из числа принадлежащих молодым рабочим-ударникам, едва ли не лучше того, что написано о комсомоле на производстве в первом периоде социализма, его жизни и борьбе за успехи большевистских темпов. Ленинский комсомолец и вся рабочая молодежь ждут еще художников, которые сумели бы отобразить их героическую работу на предприятиях и полях, как этого заслуживает молодое поколение пролетариата. И можно с уверенностью сказать, что эти писатели придут, и придут они из среды самих же непосредственных участников социалистического строительства, из среды ударников, вливающихся в армию бойцов за большое искусство большевизма.

РАПП необходимо на основе общей линии нашей партии, на основе специальных указаний ЦК перестроить свою работу применительно и возросшим требованиям, предъявляемым к пролетарской литературе, применительно к тому новому что мы имеем в литературном движении.

Каждый день перестройки в дальнейшем росте пролетарской литературы

Комсомол в кривом зеркале классово-вредная литература

а. Брынин

Очень давно Ал. Безыменский писал о комсомоле, как о «стране великой и богатой». Сейчас эта «страна» особо богата.

Но советская литература и ее передовой, ведущий отряд — пролетарская литература, самым «безобидным» образом отстает от тем, запросов и задач сегодняшнего дня комсомольской работы. Актив пролетарской литературы в покое комсомолом сравнительно невелик.

В ходе ожесточеннейшей классовой борьбы враг пытается опереться на молодежь. Это выразилось в выступлениях Бутырских и Минаевых, в теориях перевоспитания молодого кулака и т. д. В литературе же за последний год появился целый ряд произведений, искажающих жизнь, и быт нашей молодежи, клеветующих на нее и выдающих свою политическую программу.

Программа эта сводится к проповеди социального равенства, политического равенства рабочего и быв. дворянина, фабриканта и т. д., к проповеди отмены классового приема в вузы, техникумы и т. д.

Упадничеством, бюрократизмом, безмыслием пессимизмом пронизано большинство этих произведений. Скепсис призыва бюрократского мировосприятия рисует работу комсомолов в городе и деревне, жизнь пролетарского студенчества. Подобных произведений, продвигающих «славные традиции» П. Романа, Гумилевского, Лидина, Ю Берзина много. Это «Рассказы из записной книжки И. Витгинского», «Ортоды» А. Тарасова и «Мне двадцать лет» Ив. Новикова, «Голово-

резы» Гумилевского (все изд. «Федерация» 1931 г.), И. Брайнин «Мяя и солнце» (Лит. т-во писателей 31 г.), А. Сергеева «Медный кляцедан», Л. Рахманов «Поиски» и «Амеяной бог», Г. Гор «Факультет чудиков» (все 1931 г.), «Крылья» — Е. Анучиной. Вышедшие несколько ранее «Красный вихрь» С. Ф. Быстрова, «Содружеством Рудина и др.

Как и о чем рассказывают эти произведения? Рассмотрим некоторые из них. Автор книги «Мне двадцать лет» Иван Новиков, уморный и последовательный певец дворянских усадеб, знатной дворянской литературы. В повести этой он выступает политическим адвокатом «униженных и оскорбленных» — потомков владельцев поместий и заводов. Герои повести — дети дворян, аристократы с громкими фамилиями — очень положительные, симпатичные люди. По Новикову — все подрастающее поколение наших злейших классовых врагов — вполне советские люди, чуть ли не стопроцентные коммунисты. Но этих обожать в советской действительности, Идею повести сводится к тому, что никакой классовой борьбы, классовых противоречий нет — вора самым широким образом распахнуть двери перед «американским мальчишкой»!

Позволяет не поверить, — года для тому назад «Комсомольская правда» привела бы рядческие примеры классовой борьбы в школе И ступени, организации бойскаутовских отрядов подпольных «контрреволюционных» и т. д. И Новиков не только «проявляет своих подзащитных. Дворянщина культуре, тоньше чувствуют все прекрасное. Вот характерное место: «И вот мое детство и отро-

чество насквозь пролетарское, а все же — чудно: течет где-то и кровь мгодубая, тихая, ничуть не воинствующая, но все же именно гогоубая — поэзию чувствую» (подчеркнуто мною).

Ну, а пролетариям — поэзия не чувствует? — таков вывод из этих строк. Теория о полном «перевоспитании» детей помещиков и буржуазии, развиваемая в повести Ив. Новикова, глубоко нам чужда и враждебна.

Примы Новикова не новы. «Христианство проповедало классового мира в дни жестоких классовых боев надо дать отпор.

В книжке Е. Анучиной — «Крылья» классовый враг, проникший в вуз, рисуется с общечеловеческой, гуманистической точки зрения.

«Я пытаюсь в ней (дочери мебельного фабриканта Соколовой, по фальшивой справке пролезшей в вуз) видеть врага — и не нахожу», — говорит секретарь приемочной комиссии. Отрота классовых противоречий, классовой борьбы в вузе Е. Анучиной смазывается и притупляется.

Авторы «Праведного бога» и «Полтебья» Л. Рахманов и «Факультета чудиков» Г. Гор совместно выпустили книжку «Студческие повести». Обои объединяет общее мировосприятие, общая «фокусническая» манера письма. Правда, один пишет «под Олешу и Жигроду, другой под Каверина — но это мало меняет общую идейную направленность книги. Безусловно манерничество, усиленная поэзия за оригинальностью, дешевой эстетизм — вот отличительные черты книги. В «Факультете чудиков» все студенты даны, как полусумасшедшие чудачки, богемы, искалеченные

люди. Факультет — сборище социальных и политических урадов, угнетенных людей. Лучшие студенты — это типичные академички, никакие общественных идеалов не имеющие. Худшие выгоняют из факультета — они ортодоксы «подпольный факультет», где преподают порнографию, антисемитизм, хулиганство. Гусинев герой «подпольного факультета» годится объективистом, с нотками «ортодоксности». Не заключенный и не разоблаченный «подпольный факультет» продолжает все время развивать свои идеи на страницах книги. Относя к ним в книге не дано. Вообще пролетарскому студенчеству «повезло» — чуть ли не десятком книг посвящен студенческой молодежи. Авторы не жалуют ни черных красок, ни сна, клевета на студенчество.

Нам нужна своя собственная интеллигенция из рабочего класса. На фабриках и заводах куется эта новая интеллигенция. В вузах, комвузах, совпартшколах выросли и растут сотни и тысячи представителей новой, рабочей интеллигенции. Но, в романах Тарасова, рассказов Н. Вигинянского полное искажение жизни и борьбы нашего студенчества.

Особенно возмутителен клеветнический роман А. Тарасова «Ортодоксы» ч. 1 (будем надеяться, что 2-ю эту историю не увидит читатель). В романе «Ортодоксы» и вспомнаешь старые, забытые образы. «Бурсы» и вспомнаешь воскресла в «Ортодоксах». Тарасов изображает современную провинциальную совпартшколу. В школе тайное общество совпартшкольцев. Какой отартистичности, провинциальности и название романа — «Ортодоксы». Герои романа как на подбор одиозности и просто дураки, другие — инзюбники-дети-жюаны, третьи — уподобочки и мейнхюны. Какой отартистичности, провинциальности и название романа — «Ортодоксы».

В романе есть и «объективное» оправдание для героев. Жизнь школы, учеба даны как схоластика, зубрежка новых лозунгов. Приспосаблив сделан конец романа, звучащий прелестью во всем социализме. Рассказывается, что вычистил одного студента (Урванова) — виновника перерождения всей школы — школа встала на новый путь и т. д.

В общем «Ортодоксы» — пасквиль на партийную школу.

Вигинянский в рассказе «Записки свердловца» в нелепом, уродливом виде рисует первых свердловцев. Подсознательные моменты у героев доминируют над сознательными. Вся книга пропитана настроениями безынициативности, пессимизма.

Основной чертой рабочей молодежи автор считает социальную пассивность, тоску, «каккая скучная и неинтересная жизнь», — рассуждают рабочие у Вигинянского. Часов у стана, трудящегося, как мотоцикл на деревянном полу, восемь часов среди грохота соседних машин, в котором крик пропадает, точно тонет под колесами паровоза. А что приносит она людям за день усталый и головной боли.

Два аршина синих
Самый модный цвет,
Юбка не годится,
Платья тоже нет.

Боготоя подруга: «Бросил — полюбил», цеховое собрание, где о полотецных и о выборах в заводом. Где же дело, за которое стояло бы пойти хоть в огонь и которого ждала она с тех пор, как перестала верить в бога.

Подобная обрисовка рабочих, рабочего бытия является по существу уродливой. Только меньшинство и трюкисты могут утверждать о том, что у рабочего нет перспектив, что в Советском союзе его жизнь не улучшается, что он раб машины и т. д. Утверждать подобное может только классовый враг, упорно пренебрегающий всеми фактами реальной действительности, который изгазовую разную клевету и преискусственные литератураторства типа Вигинянского.

И. Брагиня в книге «Мая и солнце» искажает важную социально значимую тему о

физкультуре. Социально классовое лицо советской физкультуры совершенно не дано. Физкультура приравнена в романе к буржуазному спорту. Бокс в повести — не средство воспитания воли, тела, боевых качеств бойца, а нечто атлетическое, кулуарное в «юда», как в атлетическом, кулуарное в «юда». Боксер работает не по техническим законам, а движется эвристика инстинктом и расчет его исходил не из тонкостей разумного искусства, как у противника, а из мышечного ощущения.

Следующее описание досужий и полное отсутствие показка классового характера наций физкультуры, связи физкультуры и промышленности, интернационального характера нашего спорта. В книге звучит проповедь апологизации.

Для «идеологической выдержанности» несколько фраз об организации рабочего кружка на заводе и «пафосная», приспособленческая конюшка. «Игра будет доиграна на парижских мостовых», в советских копах, на шахтальных комиссиях, и мы побьем».

Еще более важную и остроую проблему разработывает Л. Сергеев в «Медном коцелен» — шахта, комсомол на шахте, борьба с вредителями, с журавлятами, комсомол.

Но все это либо сказано, либо опущено автором. Центр повествования — любовно-уголовная интрига.

Жизнь шахты, работа комсомолов — обо всем этом читатель ничего не узнает, и автор подробно рассказывает о том, как негодий и провозов Вертова, которого никто из комсомольцев не знал, стал секретарем ячейки.

Ведет Вертова себя открыто и все же его удивительно долго терпят, только после угрозения его снимают. Комсомол в повести — серая и безыличная организация. Есть «примерные» комсомольцы, по Вертова, негодий и авантюристы, они удивительно долго терпят. В повести есть некая обязательствующая таравщица комсомольскую элиту (т. д., но именно она первая «раскулачивает» Вертова. Ее спрашивают: «Почему ты не в комсомоле?» Она отвечает: «У вас много отрицательных и с этим не бороться» и т. д. И читателя создается впечатление, что Таня противна, ибо она же учит Владимира (сменившего Вертова) стойкости, возбуждает у него волю к борьбе. Таня в повести больше положительный тип, нежели большинство комсомольцев.

Провалом и рабочей ячейки Сергеева лишь фон для развития шаблонной любовно-уголовной интриги. Производственный материал опущен, схематизирован. Автор «Медного коцелен» разрешил свою тему на мейнхю буржуазного романа. Здесь некие и таинственные намеки на связь Вертова с вредителями, здесь и тогда, самосудом расправляющаяся с вредителями. Вместо показка подлинной действительности — автор дал буржуазный роман — из комсомольской жизни.

Классово враждебная, халтурная и приспособленческая литература о комсомоле должна получить единодушный и дружный отпор. Больше внимания комсомольской тематике. В художественных образах дать раскрытие враждебной литературе, приговорить поставит книги Гора и Тарасова, и иже с ними, наши вещи, дающие верную картину действительности. А именно для нас сейчас такие произведения, скажем, о вузе, о школе? Прорыв на этом участке должен быть ликвидирован.

Нужно активизировать нашу конкретную газетно-журналистскую критику. Ряд произведений того же Тарасова, Рахманова, Гора и др. прошел мимо критики. Нужна углубленная боевая критика, необходимо беспощадное разоблачение классово враждебной литературы, зачастую прикрывающейся «идеологическими конюшками».

Кроме того, рабочие комсомольской ячейки, партийная критика должны гораздо больше включаться в работу издательств — нужно разоблачать и вскрыть классово враждебный характер того или иного произведения до выхода в свет. «Коммунистические» рукописи выносить на суд рабочих, интеллигентных кружков, коммачек, ударников, привнесенных в литературу и т. д.

Нужно неуставно и до конца разоблачать, тонко маскирующегося классового врага.

Составная часть перестройки рапп — внесение элементов в работу пролетарских писателей. Речь идет не о мелкой опеке над работой писателей — она больше чем вредна. Речь идет об изжитии буржуазных остатков „вольницы“ в силу которой целый ряд важнейших проблем социалистического строительства, целый ряд участков социалистической стройки не находят отображения в пролетарской литературе, остаются вне сферы ее воздействия. Как основной коллектив пролетарских писателей рапп отвечает за это. Плановость в работе пролетарских писателей увязна их работы с планом социалистического строительства поднимает пролетарскую литературу на высшую ступень

(ПРАВДА, 21—31 г.)

камера хранения ручного багажа

рисунок б. п.

А мы под трудовым дождем—
Авось румяна не сотрутся—
Мы с личным счастьем подождем
„Коммунистических конструкций“.

К. Митрейкин

И. Уткин

И на надежд тухлявых полетях
Свои тарананы, свои грехи.
Ути шьет пролетарские заплаты
На мешанские свои стихи,

К. Митрейкин

Не тронь! оно кается!
Джек Алтаузен

Вчера кричал:
— Назаните! Я родился поздно!
Сегодня кается:
— „Идейно я убог“!
Зитуэкаст! Он влячется, что человеком создан,
А не турбиною без головы и ног.

Творческий путь комсомольского поэта

(Александр Жаров)

Десять лет поэтической работы в комсомольской прессе, выступления на комсомольских собраниях, конференции и съездах, на заводах и в шахтах сделали имя Жарова популярным и близким широчайшим массам рабочей молодежи.

Творческий путь Жарова характерен тесной связью его работы с жизнью комсомола. Его поэзия была всегда жизнерадостной и бодрой, она была проникнута комсомольским задором, наполнена неистощимой комсомольской энергией.

Стихи Жарова всегда отличались революционной устремленностью, боевой публицистической направленностью.

На всероссийском производственном поэтическом совещании было признано, что «в области поэзии имеется особый прорыв, чрезмерная крайность перестройки» (Авербах). Сегодня нет оснований менять эту оценку положения на поэтическом фронте. Поэзия продолжает страдать недостаточной классовой заостренностью. Еще не преодолены в творчестве некоторых поэтов элементы литфронтовского рационализма и схематизма. Еще далеко не все поэты осознали всю серьезность проблемы перестройки мировоззрения.

Жаров пришел в поэзию вместе с поэтами «второго призыва» — Безыменским и др. В то время, после первых дней нпа, многие поэты не смогли понять смысла проводимой партийной политики. Жаров вместе с Безыменским поднял тогда голос за переключение энергии комсомола на труд, на восстановление разрушенного хозяйства страны. И с первых же лет своего творчества он тесно связал свою работу с комсомолом.

Уже в 1924 году он пишет поэму о фавзавуче, за который так упорно дрался комсомол. Немалую роль сыграла и его, широко известная, поэма «Гармония», в которой он пытался поставить «проблему культурничества» в комсомоле. Эта поэма агитировала за подключение всей культурной работы комсомола центральной задачей — коммунистическому воспитанию молодежи.

В своих стихах Жаров энергично агитировал за поворот комсомола к вопросу восстановления хозяйства страны и образования молодежи. Достаточно вспомнить историю комсомола, находившегося тогда «в периоде исканий», чтобы понять всю политическую значимость этой работы поэта.

Нам попытаются возразить, что и для того периода творчество Жарова было на знакомом уровне. Однако говорить так — значит отмахнуться от исторического рассмотрения литературных явлений. В то время участок пролетарской поэзии был еще менее укреплен, чем теперь. Дела сравнительный анализ, необходимо признать огромное значение и заслуги творчества Жарова в комсомоле. Но, разумеется, это ни в коем случае не значит, что следует замазывать прошлые или настоящие ошибки Жарова. Необходимо подвергнуть его творчество жесточайшей деловой критике, помогающей дальнейшему росту.

Критика в свое время совершенно правильно отметила, что жаровские «стихи о любви», в которых любовь рассматривается им как «награда за труд», а женщина берется лишь как объект любви, несут на себе следы влияния мелкобуржуазной стихии. Особенно показательно в этом отношении весьма известное, идеологически вредное стихотворение «Мария Магдалина», знаменовавшее опасный срыв в творчестве поэта. Критика во-время сигнализировала об опасностях, стоявших на его пути.

Необходимо и в дальнейшем подвергать творчество Жарова серьезной товарищеской критике. Разумеется, задачам такой критики ни в коей мере не соответствуют артельные нападки на Жарова, перерастающие в травлю и идущие от некоторых его политических и творческих врагов.

Реконструктивный период поставил целый ряд новых задач перед пролетарской литературой, и, в частности, ее поэтическим сектором. Он потребовала от пролетарской литературы активного боевого участия в борьбе за социализм, повышения ее идейной боеиспособности.

Однако вся пролетарская литература и поэзия, в особенности, не сумела перестроиться в соответствии с новыми политическими задачами, поставленными партией. Комсомольское крыло пролетарской литературы страдало и страдает той же самой болезнью, что и вся

Б. МЕЙЛАХ
В. ВОЛКОВ

пролетарская литература. Здесь мы имеем отставание, как по линии тематики, так и, в особенности, по линии мировоззрения. Творчество Жарова не является исключением. Он еще не перестроился в соответствии с новыми задачами пролетарской революции на данном этапе, хотя тенденция к такой перестройке у него налично. Некоторые критики пытаются доказать, что Жаров перестраивается лишь тематически, что в перестройке мировоззрения Жаров не приступил. Обычно здесь его вяжут в одну кучу с Алтауэном и Уткиным. Но если по отношению к Алтауэну и Уткину, поэтам мелкой буржуазии, будет правильно утверждение, что эти поэты приступили лишь к тематической перестройке, то по отношению к Жарову это совершенно неверно. Здесь может речь идти лишь о том, что уровень мировоззрения Жарова недостаточен для поэта — идеолога передового класса — на данном этапе пролетарской революции. Иначе дело обстоит с Алтауэном и Уткиным. Их мировоззрение качественно отличается от мировоззрения Жарова, ибо они только по недоразумению могут быть названы пролетарскими поэтами. Все так называемые «актуальные» стихи этих поэтов являются образцом голой тематической пристройки к новым задачам реконструктивного периода.

Совершенно прав поэтому тов. Сурков, когда пишет: «Несомненно, что из этой тройки Жаров должен быть выделен, и отношение к нему должно быть иным, чем отношение к Уткину и Алтауэну, мелкобуржуазная природа которых достаточно ярко выражена в их стихах, и которые с ревнем, достойным лучшего применения, пытаются, слегка замазавши революционной фразой, проглатить ее в сегодняшней реконструктивный день».

Однако Жарову свойственен ряд ошибок, которые несомненно имеют «футкино-алтауэзенские» корни.

Элементы эстетства, созерцательности, схематизма еще дают себя чувствовать в творчестве Жарова. Еще и теперь в его стихах чувствуются голые, абстрактные зовы «вперед, которых более чем достаточно в его стихах восстановительного периода. «Давайте шуметь над землей, это «клич молодости», которой сам по себе не содержит определенной классовой устремленности, еще продолжает звучать в некоторых его стихах. Не удаляется еще Жаров и от другого крупного недостатка — неумения диалектически разрешить проблему личности и коллектива. Молодежь, как абстрактное целое, иногда продолжает выступать в его стихах.

Дальнейший творческий рост Жарова будет возможен лишь на основе решительного творческого размежевания с Алтауэзем и Уткиным. На такой путь Жаров уже встал. Об этом говорят его последние стихи.

В своей книжке «Великое состязание» Жаров ставит задачу показать подлинного героя нашей эпохи. Он ищет его на фронте борьбы за выполнение пятилетия среди передовых борцов за построение фундамента социалистической экономики.

Здесь был ты, как прежде, героем.
Сыжи, не таг, не молчи—
В фундаменте новых построек
Лежат ли твои ширинчи?

Несмотря на наличие в сборнике ряда идейно насыщенных стихов, мы сразу сталкиваемся с чрезмерной абстрактностью и схематизмом, которые помешали Жарову выполнять поставленную им задачу. Политические лозунги поэт подчас не умеет перевести на язык конкретных живых образов. Его призывы звучат абстрактно, чересчур лозунгово.

Завод перед заводом
На натиск, на подъем.
Машины полным ходом.
Нажмем.
Нажмем.
Нажмем.

В стихотворении «Песня о Волге-Доне»—тема о гигантском хозяйственном строительстве разрабатывается Жаровым лубочно, в духе лужно-народной песенной романтики.

Степняк Разин,
В срок недолгий
Явлю стал не твой ли сон.
Говорят, в гости к Волге,
В гости к Волге вышел Дон.

В другом стихотворении «Наши женщины» Жаров перекликается с И. Уткиным, пытаясь найти «интимные пружины» социалистического соревнования и ударничества. Жаров пугает мужей творчески беспомощных, то-бишь мало активных и пассивных на производстве тем, что их жены «не обвоюют рукой горячей, не обдадут снятием теплых глаз». Все это нужно отнести к числу недостатков сборника «Великое состязание», которые неизжиты еще Жаровым в последних стихах.

Последняя книжка Жарова «Стихи и уголь» говорит о дальнейшей органической перестройке мировоззрения поэта. Поэт включается в непосредственную борьбу за уголь. Оружием художественного слова

он бьет врача, прогульщика, противопоставляет им передовых производственников, энтузиастов социалистического строительства.

Поэма «Евстигий Рощина», вошедшая в сборник, несмотря на ряд недостатков, является шагом вперед по пути Жарова к подлинной творческой перестройке. Несомненным достоинством поэмы является тот факт, что Жаров переводит общий лозунг борьбы за овладение техникой на язык конкретного художественного образа.

Но тем не менее, и здесь Жаров не избег схематизма. Служу да радом, Жаров «агитирует» не делами и поступками Рощина, а «абстрактными лозунгами». Между тем, в поступках Рощина есть элементы старого, которые поэтом не разбираются в достаточной степени, а если и отрицаются, то слишком легко, без борьбы.

Эх, ма, обуюк,
Дружок, обуюк,
Прошей, гобуи.
Нашей лавы гориняи
Побросай обуюк,
Перешли на врубй.

Это говорит о несовершенстве творческого метода Жарова. Результатом этого несовершенства является неумение Жарова показать действительность глубоко, во всем ее многообразии. Дело не только в том, как это думает Алтауэз, что Жаров не умеет показывать противоречия. Для Алтауэза показ противоречий является самоцелью, между тем, как марксизм не ограничивается констатациями противоречий. Это мелкобуржуазному филлистеру свойственно ограничиваться констатацией противоречий, ибо он сам олицетворяет собой «общественное противоречие, воплощенное в действительности» (Маркс). В противоположность мелкобуржуазному идеологу, пролетарский писатель должен показать, как эти противоречия разрешаются, как на основе этого создается новое социалистическое качество. Этого не делал Алтауэз, предлагая свои «лучшие» рецепты «большому» Жарову.

Таким образом перед Жаровым стоит во всю ширь проблема освоения творческого метода диалектического материализма. Только путем упорной борьбы против эмпиризма и соериальства, против рационализма и схематизма, против лакировки в изображении действительности, за повышение уровня своего мировоззрения—возможен дальнейший творческий рост Жарова. Борьба за повышение художественности поэзии невозможна без упорной длительной работы над своим мировоззрением. Это Жарову не следует забывать ни на минуту. Большевистская классовая направленность в изображении действительности, строгая партийность, умение глубоко проникнуть в смысл общественных явлений развернуто показать переделку психологии людей—все это можно достигнуть только беспрестанной работой над повышением уровня мировоззрения.

ПАВЕЛ РЕЗНИКОВ

а. ж а р о в у

...Пятилетка—
это пять ударов.
Пять ударов по земному шару!
Ей-ли наша песня
не нужна?
...Рапортует
Космополец
Жаров,
Слушает
ударная страна.
Из отчетов
четких и сухих,
Видим ясно,
в настоящем свете,
Как знамя подняты
горячие стихи—
Пропалзает
трудом десятилетия.
„Поведай тогда, е скрывает,
Какою заслугой богат,
В сраженьях
с вредительской стайей,
Прогуглов,
Попоек,
растрат?“

А я задам
вопрос,

как раз обратный:
Кто,
развернул газету-ли, журнал,
О лодырях,
о пьянках,
о растратах,
За подписью поэта
не читал?
Кричали кое-где
до спазм,
до хрипа
в глотке:
— „Халтурщики!
У них он во главе!..
Читаешь Жарова?
Да это ж хуже водки,
Мозги
до крохи вместе в голове“.

О, мягкотелые,
о, вежливые эстеты!
Вам будни
не по вкусу.
Ну, а мы

Синтаем
лишь того
своим поэтом,
Чьи строки напряжены

и слова прямы.
Вы воете,
(вы живки днем вчерашним):
„Нет формы уткинской,
А только бедность слов“,
Вы нас пугаете,
А нам вот с ним не страшно.
Мы в ногу с партией
чеканим
шаг стихов.
Они крушат,
сразбега,
ваши „охи!“
Мы вместе с ним,
и с нами вместе он.
Из добрей лирики,
вам не видать эпохи,
Карнином стих ваш тонкий
поделен.
Но мы идем
из шахты и завода,
Мы прощимаем горло—
для бою.
И говорим:
„Товарищ Жаров!
Твердо
Неси эпоху
в творчестве
свое!“

В конце 1926 года была организована, по типу «Молодой гвардии», группа комсомольских писателей и поэтов — «Молодик», которая сейчас является одним из основных звеньев украинского пролетарского литературного движения.

С самого начала «Молодик» пришлось отбивать атаки и самому штурмовать такие твердынишовинизма и национальной демократии, как «Валитиз», а ее ориентацией на запад и мажорным дуозгом («Вой от Москви»). В деле разгрома «Валитиз» «Молодик» проявил свой комсомольский энтузиазм, был первым из нападающих.

В творческом отношении «Молодик» пошел по линии отхода от схематизма, примитивизма, раздражительности народному эпосу.

Одним из пионеров комсомольской поэзии в Украине является Павло Усенко. Его выступление в литературе стало сразу примечательным. Сборник бодрых стихов «КСМ» (1925 г.) сделал Усенко близким молодежи поэтом. То место, которое занял Велиценский и Жаров — первые поэты комсомола в РСФСР, занял Усенко на Украине.

Тематика его стихов — гражданская война, работа комсомола. Наиболее яркое его стиха «18-й год», «Письмо». Поэзия Усенко характерна большевистской непримиримостью к врагу. Поэт умеет находить «романтику будней».

Во многом схож с ним такой поэт, как И. Шевченко. Шевченко писал о моряках-комсомольцах, о борьбе на фронтах гражданской войны, показал героическую борьбу комсомола.

Украинский комсомол вырос из таких поэтов и писателей, как Шеремет, Кузьмич, Массенко, Гончаренко, Первомайский, Скрипник, Радченко, Швиц, Крижановский, Фомина, Гримайло и т. д.

«Молодик» не был всегда монолитным — в его недрах, в некоторые промежуточные времена — происходила дифференциация — некоторая часть отходила вправо (Кузьмич, Данченко), другая часть — влево (Вазышко) и т. д. И сейчас в «Молодик» происходит литературно-политическая дифференциация, размежевка среди членов группы.

В основном «Молодик» был и есть здоровая, боевая организация комсомольской литературы. Ее устойчивость заключается в здоровой, органической связи с комсомолом.

Если взять творчество первых зачинателей комсомольской поэзии, например, Шевченко, — то его произведение — сборник «Комсомольские стихи», несмотря на ряд достоинств, самым важным качеством, слабой стороной. Почти то же самое можно сказать о Кириленко — сборник «Такти», 1926 г. в котором изображается деревня, гражданская война. Внешнее описание событий, неумение показать людей — сказывается и в его поэзии. После них выступили такие поэты, как Терень, Массенко, Гончаренко, Вазышко и т. д.

Микола Шеремет и Леонид Первомайский во многом схожи меж собою. Творчество Шеремета на сто процентов «комсомольское». Комсомольский завод, жизненная бодрость, протест против мещанства звучит в мажорном стихотворении «Карнавал».

Поэт хорошо понимает, что творчество комсомольца — это классовое оружие, разное оружие.

О, муза моя, тебе струны в руки.

Однако, почему же ты в своей державе,

Не можешь «восторгать хвалебная звуком».

Ну так, как, например, комсомольский

Державин.

Перед глазами встает галерея бойцов за уголь. Наряду с ними поэт показывает вредителей, оппорту-

нистов, прогульщиков. Поэт ловко развил их эпитетами. В то же время воспевает новых людей.

Комсомол — значит наступать,
Комсомол — значит победа.

Поэт дает обещание быть передовым на угольном фронте до конца.

Пока уголь победленным не ляжет,
Не выйдем — из-под земли.

Поэма Шеремета — это значительный шаг вперед как самого поэта, так и «Молодик», к подлинной поэзии реконструктивного периода. Но поэма все же схематична, в ней отсутствует типизация героя. Как и Шеремет, Первомайский очень тесно сросся с комсомолом. Его последняя книжка — Речь на VIII съезде ЛКСМ — пропитана комсомольским задором и энтузиазмом.

Речь на съезде чрезвычайно ярко подчеркивает роль поэта с организацией:

Молодость играет в зеницах очей.
Друзья. Нам каждому двадцать лет.
Мы любим ветер эпохи широкой.
Солнце эпохи на груди печет.

Первомайский воспевает молодежь, ударников на заводах и на селе.

Поклонение, что выросло в боях,
Что игралось куском пулеметной ленты,
Сегодня к бою готовится,
Как фаланга пилнатики.

Несмотря на всю политическую актуальность, поэзия Первомайского не лишена недостатков. В одном из стихотворений поэт пишет о первом ударнике-комсомольце Гецеа, который выглядит бледной схемой. Схематизм часто вредит стихам поэта.

Поэзия Крижановского характеризуется городской тематикой.

Плохо однако, что людей в городе за исключением вузовцев он не показывает. Рабочий совсем не фигурирует в его стихах. Зато на месячных обитателей города поэт обрушивается со всей комсомольской страстью.

Творчеству Ивана Гончаренко характерна деревенская тематика. Его герои — деревенские комсомольцы. Большинство стихов Гончаренко посвящено прошлому комсомола, воспоминаниям о гражданской войне. Классовая непримиримость красной нитью проходит в его поэзии.

Медкобуржуазные тенденции сильно чувствуются в творчестве поэта Евг. Фомина. Современность его мало радует, наоборот, наводит на раздумье. Ведь не случайно вырываются у поэта такие строчки:

Где же те люди с порывами и востазми?

Их нет. Они говорят шаблонными фразами.

А так хочется простору свежего,

А так хочется бурь. Негогоды.

Поэта не удовлетворяет наша будничная жизнь. Его стихи характеризуются идейной бедностью.

«Я живу, не стыжусь, не зная политики», — заявляет Фомина.

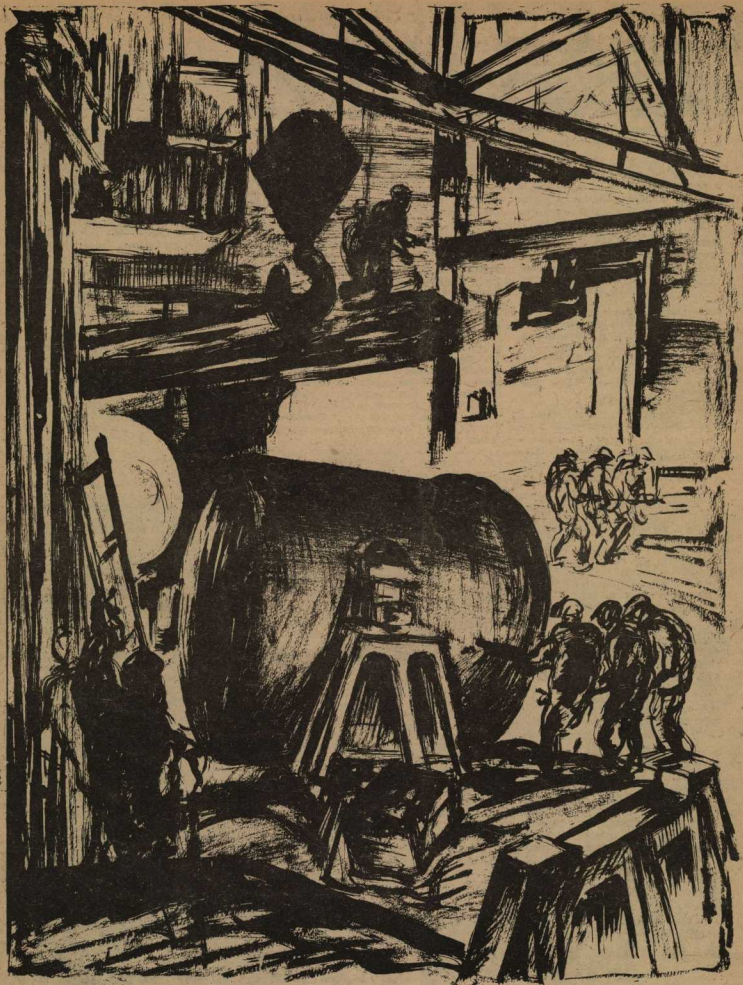
Медкобуржуазные тенденции также сильно довлеют в творчестве Ярослава Гримайло (см. его сборник «Витрулий поднято», 1930 г.).

Аполитичность, эстетизм часто можно встретить в его стихах.

Таково на сегодня поэтическое лицо «Молодик». Дифференциация, происходящая внутри организации, вполне законна. Один поэт на верном пути (Шеремет, Крижановский), другие идут вправо. Однако есть основание думать, что основное ядро поэтов «Молодик» сумеет стать левыми реконструктивного периода, сумеет исправить свои недостатки.

рисунок А. Рубинштейна

завод „серп и молот“

очистка ковша

ЕВГЕНИЙ СОБОЛЕВСКИЙ ВЫЯСНЯЕТ ВОПРОС о литературе

Вспомог во всем Женяка Штандарт. Если бы не он... Впрочем, изложим события по порядку.

Однажды, когда бытовое ядро «Нас потороп в составе Леняка Восточника, Маруса Колоколчика, Коляки Пряника, Юрия Фортowego и вышеупомянутого Женяка Штандарта...» (фамилии, то фамилии! Пролетарские!), так вот, когда бытовое ядро гуляло на набережной реки Пряны, Женяка Штандарт вдруг разразился необычайным предложением:

— Товарищи!—сказал он.—Вопрос о литературе нужно выяснить. Тут мы выяснили вопросы о женщинах, о соревновании, о патристике Моснаррабокоа, о бригадирах. Но литература...

Женяка попла, как говорится в точку. Ему даже не дали кончить. Ведь всякому понятно—раз вопрос о женщинах и соревновании, о патристике и бригадирах выяснен—перейдем за литературой. Каждый из членов «бытового ядра» и поспешил это выразить:— Наружуше имее самую простую!—воскликнула Леняка.

Литература должна быть здоровой, честной и самодостойной,—подчеркнула Маруса. Юрка присоединился к предыдущему оратору:

— История такова,—сказал Юрка,—с историей я в знакомом. С литературой я и до сих пор незнаком. Следовательно... значит...

Пошли в «Дом печати», где помещалась Ленинградская центральная литературная гегемония (ЛЦЛГ). Там засадили «социальные люди неумеренной литературной ведничны». Слово издал Юрка:

— История такова,—сказал Юрка,—Посетив ваше заседание с целью ознакомления с литературой, выражаю протест: почему не затронут вопрос о новом способе клепки котлов парового двигателя? Клепать котлы можно ведь и новым способом. А об этом у вас ни слова. Поэтому не нравится.

Столь же дерзко высказались и остальные ребята, но литераторам это не понравилось. — Пишите сами,—сказали литераторы.— Ну и напишите!—ответил Коляка. Ребята хлопнули пять раз подряд дверями и вышли. «Здесь описывать не будем,—впоине правильно решила ребята.—Создадим в порядке внеочередной нагрузки.

13 дней было отведено на создание литературы. Ребята стали писать, что и позволило Евгению Соболевскому объединить написанное ими в одну книгу, назвав ее романом, кучу просто глупостей и глупостей политическими вредками.

Ведь это же, мол, ребята писали, наивные, завосские, незональные, причем же здесь Соболевский? А добросердечное и любвеобильное издательство «Молодая Гвардия» выступило соиниение бытового ядра в серии «Повинки комсомольской литературы», решил очевидно, что это и есть та самая литература, которая необходима для воспитания двух миллионов комсомольцев, за последние время пришедших в союз.

Против замысла Соболевского ничего возражать нельзя. Показать птерых комсомольцев, занимающихся литературным творчеством,—тема интересная и актуальная, тема, дающая очень широкие возможности. Но уже вступленные заявления настояются. Это ведь не комсомолец, это помещь кавернского скандальца и фабричного бузотера, выступает на собрании литераторов. «Мотивировать» необходимость ребят современной литературой, Соболевский заставляет их написать о себе по следующей схеме: «Что мы делаем, чем интересуемся, предыдущая жизнь, конфликты, рост, молодость. Какими же предстают комсомольцы, как изображаются тогда современность в произведениях героев Соболевского?

Вот отсек коллектива. Томати. Про него говорили, что «если и есть у него что-либо неизменно в жизни, то это ни что иное, как тот же порок». Все остальные взгляды, мнения, кампании, которые он проводил, медленно у него незаслуженно часто» (стр. 23). В райконе о нем говорили: «Делай с ним что хочешь. Дельный работник. Искренний работник». Преданный и т. е. Ирония и ее смысл (делай с ним что хочешь—преданный, искренний) очевидна.

Трое из бытового ядра работают на фабрике и заводе. Юрка Фортowego учится на тракторных курсах, Штандарт работает в порту. Автор заставляет героев писать о чем угодно (преимущественно о бузотерстве, об интимных делах и т. д.), о производстве же, о комсомольской работе, о быте комсомольцев почти ничего нет, а то, что есть, заставляет обратить на себя судящее внимание.

Коляка Пряник пишет о заводе: «Работа сделаная... Приходит специальные оценки, которые не мыслят ничего, т. е. совсем плохо мыслят. Сужающие нужны для заполнения галей вот карточек. Если бы работали не сдельно, столько конторщиков не нужно было бы. Это устал, и скоро мы будем работать поденно» (стр. 93-95). Мелкий штришок. Но вся книга состоит из таких вот штришков, которые создают довольно целую и весьма определенную картину.

Леняка Восточник по заданию руководителя политшколы пишет о заводе гальматиз, подобно приведенной из творений Коляки Пряника.

Больше всего достается на долю Юрия Фортowego. Юрка описывает империалистическую войну, революцию, bolshevika фельдшера Полякаря Васильевича, который «объясняет Юрку положение вещей: «Надвигается неизвестная сила, которая все это (интер. войну.— М. Л.) прекратит. Мы поедем на встречу этой силе и присоединимся к ней, и если надо будем, мы поможем ей» (стр. 123).

После Февральской революции Полякаря Валера Фортowego не знает солдат и при их помощи «инициативной силой» извращает временное правительство станции Старушка, образовал поэт этого на той же станции «революцию мира».

Не менее остроумно изображает революцию Маруса Колоколчик. Заскучала Маруса. Всех мальчишек в деревне замучила. Не отвечает на их любовь. Жизнь не нравится. «Собрали

раз ребят со всей деревни,—рассказывает Маруса.—«Чертю, говорю, ребята, измените жизнь!»—«Дадно, говорят, изменим. И нам не нравится. Тогда мы идем из нашей деревни втридцать красивых и мужественных ребят и поехали в Питер. Революцию делать. И сделали. И прилетела эта революция на крыльях к нам в деревню, где Маруса ее (революция) ходил на крыльях 15 минут задержал. Каким способом—передать не будем. Важен сам факт.

Соболевский явно издевается над ребятами, над их литературной работой (желая доказать, что «она им не по силам, что ли»). Роман извращает действительность нашего времени. Все события в изображении бытового ядра предстают исковерканными, поставленными наголову. Комсомольцы у Соболевского только и делают, что бузят, «филят», в лучшем случае, ходят болтающиеся в театры. Желая оправдать все им соиниение, Соболевский заставляет героев написать следующие слова:

«Воспециалисты мы обросли более важными для республики заданиями и долгие 15у, а в это время кто знает, быть может, мы и в самом деле больше всего любил свисток, расстроившую гитару, вместо тажедушной серьезности...» (стр. 264).

Не в отряхивая тажедушной серьезности дела А, том, что ведь ни комсомода, ни производств, ни, в конце концов, объяснение, в чем и почему герою Соболевского комсомольцы—в романе нет.

Все упомянутое в произведении героев: начальник секретаря Томатины и косяка дядей Коляки, старым ВКПцеином (еще «старый ВКПцеи» заучено твердит: «Дисциплина прежде всего!» «А что потом?»—спрашивает Коляка. «А потом,—отвечает дядюшка,—потом—отвечает А, потом опять дисциплина». «А когда же конец?» «Никогда»,—отвечает дядюшка. «Никогда»,—повторяет он и т. п.). Все это подано издевательски карикатурно, все это сплошное кривляние, юродство.

И приходится только думать, из чего исходила издательство «Молодая гвардия», низвергая на голову читателя это ниарский водопад издевательств и насмешек над комсомолом. В книге имеются отдельные, терпящиеся обшей картинке, удачные зарисовки молодежной жизни (весь раздел «И вот однажды был объявлен культпоход», но они вовсе не спасают положение. Они говорят лишь о том, что, не пойдя Соболевский по неверному пути—он бы мог написать неплохую книгу о быте рабочих молодежи. Но Соболевский весь во власти литературщины, оригинальности формы для него основное. В романе много от Каверина, от Шолохова, много парадничного.

Итак, свое отношение к комсомолу, к литературе, Соболевский выявляет довольно четко. Но если он не хочет успокоиться, ощущая себя вышедшим на широкие поля литературного творчества, он обнадивляет читателя. Соболевский заставляет ребят написать книгу следующих утверждений: «Эта книга не последняя наша книга. Автор хочет заставить ребят написать о сложных, новых, необыкновенных задачах, вставших перед ними после IX съезда ВКПСМ.

И вот тогда ребята пишут: «Ждите дальнейшего. Не грустите», то это не действует. Наоборот. Как же не грустить, если предстоит, еще книги в таком же роде? Соболевский, он такой, он напишет... Впрочем, Товарищи из ЛЦЛГ, отдела «Молодая гвардия», Евгений Соболевский уже выявил свое отношение к литературе и комсомолу. Больше не надо. Спасибо на этом... А то есть от чего загустит...

1 Евгений Соболевский, «Нас потороп», роман ОГЭД, «Молодая гвардия», 1953 г., «Издания комсомольской литературы», стр. 269, 4, 2, p. 10 и т., стр. 2130.

Показ героев социалистической стройки—бесспорно одна из крупнейших задач пролетарской литературы. На этом участке работа только начата и не может быть признана удовлетворительной. Критика тов. Носаревым пролетарских писателей бесспорно верна.

„Сцепление“

С. Днепротровский

Рассказы, „Молодая гвардия“, 1931 г. тир. 5000. стр. 79. цена 75 к.

П. М.

Книжка Днепротровского состоит из трех рассказов: «Сцепление», «Я, он, она» и «Ось». Место действия—металлургический завод. Герои—активисты комсомольцы. Автор берет комсомол в тесной связи с производством, через отдельных представителей показывает коллектив. Писатель утверждает, что сила коллектива в сцеплении, в единстве, в целеустремленности масс.

Комсомолец Валентин («Сцепление») организует коммуну, замывая в тесную группу. Будучи настроенной, последний через целый ряд ошибок приходит к сознанию того, что их сила в связи со всей массой. Только творчество сообща выводит их на путь победы. С другой стороны, автор показывает, как худшие производственники, стоящие на пути к кредитивству (Гуляй) опыт-таки под влиянием общности перерождаются, осознают свои промахи и становятся добро-совестными производственниками.

В рассказе «Я, он, она»—поставлена очень актуальная тема.

Шурка Станков—хороший производственник, ударник, но общественной работой он не занимается, считая это делом «третачей», а не активных производственников. Рабочий-комсомолец разоблачает Шурку. В результате последний объявляется лжеударником. Он убе-

ждается, что без взаимосвязи производственной и общественной работы немислимо хороший передовик-ударник. Рассказ подан убедительно, без всякой вычурности.

Третий рассказ «Ось» рисует комсомольца Степу Зарвина, болеющего за производство, живущего интересами своего завода и станка. На одной из станций происходит крушение поезда. Причина—поломка оси. Степка работает в том цехе, где производятся оси. Степка не спит по ночам, мучается, ему кажется, что сломались оси, изготовленные на их производстве. Степка беседует с инженером, садится за учебника математики, физики. Вместе с мастером Тит Титычем на производственном совещании вносит предложение, которое снижает стоимость производства и дает хорошие по качеству оси.

На торжественном собрании Зарвина получает благодарность и путевку в вуз.

Как и в предыдущих новеллах автор показывает, что все эти достижения Степки осуществлены благодаря его крепкой связи с массами, «сцепления» с коллективом.

Сборник производит хорошее впечатление по-прежнему животрепещущих вопросов, которыми сейчас живет заводская молодежь. В этом основное достоинство рассказов.

Днепротровский—один из растущих молодых комсомольских писателей—взялся за тему, который так нужен комсомолу в эпоху реконструкции.

Но герои у автора пока что не имеют специфического облика, характерных черт, которые отличали бы одного героя от другого. Днепротровский должен обратить серьезное внимание на композицию характеров своих персонажей.

Также недостаточно, неглубоко, без четкой социальной прикреденности показывает автор своих отрицательных героев. Например, Гуляй—отрицательный тип. Есть намек, что он из деревни, еще не имеет пролетарского мировоззрения. Но этого мало. Нужно было показать, из каких социальных прослоек села он вышел, что представляла породившая его среда. Также самое Глаша (рассказ «Ось»). Показывая ее медянские вкусы, писатель дает слабые мотивировки, не показывая социальной почвы, зарастившей Глашу и ей подобных. Вопрос о спехах затронут в рассказе «Ось» одиоково. Инженер Корбин «глушит» таким аргументом Степку, работающего над усовершенствованием осей:

«У вас нет... знаний. Кроме этого опыта... Ну, сноровки, что ли... гибкости ума... Признания, что ли...» По мнению инженера, у рабочих нет ничего положительного. Такого инженера нужно было разоблачить.

В общем, небольшая книжка Днепротровского с интересом прочтется рабочей молодежью. Писатель должен бороться за глубину мировоззрения, шире и глубже ставить вопросы, упрощать работу над усвоением ленинского метода в работе над художественным словом.

ростовский сельмашстрой, строящийся цех комбайнов.

М. КОЛОСОВ

1. Трудно в анкетном порядке указать все причины этого факта, но одна из непосредственных причин та, что большинство советских писателей еще не отрешилось от холодного представления, будто поле деятельности комсомола, содержание и формы его работы, возрастной состав его членов не дают материала для глубоких художественных обобщений.

Значительное же количество пролетарского писательского молодяка находится еще на таком низком художественном и идейном уровне, настолько чувства, вызванные в нем эпохой небывалого социалистического строительства еще не перешли в сознание—без чего немисливо создание широких обобщений,—что в результате произведения их о комсомоле не дают всей полноты. Всего многообразия типов, характеров, всего своеобразия происходящих в комсомоле процессов роста, коммунистического воспитания того огромного и разнообразного сплава юношества из среды рабочего класса, различных слоев крестьянства, мелкой трудовой интеллигенции, кулацкой и т. д., которые под руководством партии, трубуясь, участв, борясь, организуя, сплачивая, по капле выдвигая из себя рабов, стоя еще по колено в грязи, помогают партии и рабочему классу строить социализм.

2. Вопросы быта—это те первые узкие места, на которые наталкивается молодежь в своем стремлении построить новые отношения между людьми. При отсутствии жизненного опыта, слабости мировоззрения, эти вопросы создают целый ряд трагических конфликтов в среде молодежи.

Брать эти вопросы оторвано от всей социальной практики значит не только не способствовать их разрешению, но зачастую, как это имело место в ряде произведений молодых и старых писателей, играть на боковых для молодежи вопросах, усиливая нездоровые настроения.

Отметая тек бездарных пошляков, которые просто устремились в эти темы с явной выгодой для своего кармана и спекулятивного разжигания

собственной популярности (низкое качество их произведений отсюда очевидно), слабость произведений этого рода следует объяснять убожеством мировоззрения молодых писателей, шедших в своем творчестве эмпирическим или электрическим путем и не сумевших, не нарушая прав действительности, подняться до гаубкожих обобщений.

Хуже всего то, что писатели часто даже не считают это своим недостатком; они на диспутах и в предисловиях заявляют: „Наше дело разворошить, показать, заставить задуматься“. Но они не понимают, что, сужая таким образом свою роль, они рисковали фотографировать те сумбурные житейские разрозненные явления вне их связей и опосредствований, над которыми и без них еще сильнее завладела задумываться сама жизнь.

3. Вопросы жизни и борьбы трудящейся молодежи есть основа тема моего творчества. Трудности, которые я испытываю, заключаю главным образом в том, что я хочу, пытаюсь осмыслить эти вопросы по всей их сложности, разоблачая поверхностные житейские представления. Это можно сделать, выработав такой метод творчества, в котором особенно важен был бы элемент мировоззрения. Если взять для примера писателей прошлого, работавших над молодежной тематикой, с одной стороны—Толстого, Флобера, Чехова, Тургенева, а с другой—Чирикова, Арцыбашева, Чарукю, находившихся в пределах одного класса (несмотря на отличие социальных оттенков этого класса), но что самое главное—на различных ступенях, на различном уровне его мировоззрения, то я предпочитаю первых вторым.

4. Необходимо созвать периодические рапповские производственные совещания писателей, работающих на молодежной тематике, где необходимо разъяснить необходимость разрабатывать эту тематику на уровне идей Маркса-Ленина-Сталина, бороться со спекуляцией, упрощенчеством и вулгаризацией, чтобы произведения, созданные на этом материале, были достойны ле-

нинского комсомола, в своей практике показавшего себя лучшим помощником, не имеющего себе равной в истории человечества ленинской партии.

Именно потому, что молодежь, воспитываемая ленинским комсомолом представляет собой нечто новое, качественно отличное от Базаровых, Кирсановых, Иртышевых, и Ванек Жуковых—меньше всего она нуждается в том, чтобы истерически кадить ей, акриновать ее или изображать ее упрощенно-схематическим и эмпирическим путем, никак не помогающим ей в ее борьбе.

Литературные органы ВЛКСМ должны установить теснейшую связь с литературными ячейками РАПП, активировать внимание писателей к молодежной тематике, одновременно бороться за высокий идейный и художественный уровень произведений, участвуя в воспитательной работе путем помещения на своих страницах соответствующих критических статей.

Печатаение лучших произведений, индивидуальная работа с талантливыми молодыми писателями, призваниями в литературу, активизация внимания комсомольской общественности вокруг этих вопросов будут способствовать тому, чтобы молодые писатели не отрывались от комсомольского коллектива и в то же время не перегружались работой в ячейке, чтобы на их работу комсомол смотрел как на общественно-полезное дело комсомола дело а не как на праздное, ничтожное занятие.

Ю. либединский

1. Объясняется это общим отставанием пролетарской литературы от задач, которые ставит перед ней пролетарская революция. Думаю, что преодоление этого отставания пролетарская литература должна начать с показа ленинского комсомола.

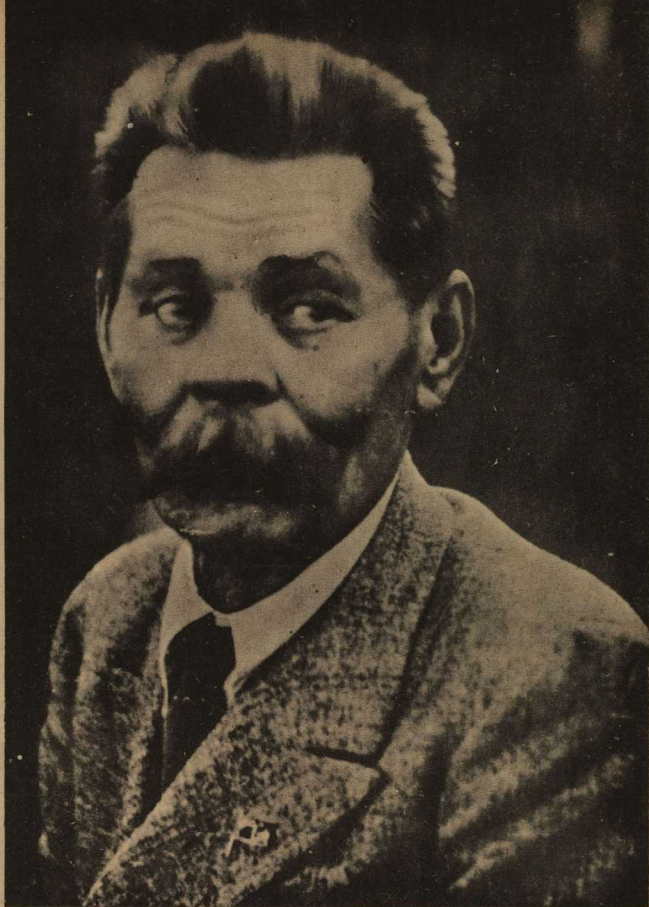
2. Объясняется это низким уровнем марксистского мировоззрения тех пролетарских писателей, которые брали молодежную тематику.

3. Да. Я предпочитаю написать пьесу, в которой несколько главных

ролей предназначается комсомольцам в борьбе за промфинплан.

4. ВЛКСМ и РАПП совместно должны поставить задачу большевистского воспитания того комсомольского поколения, которое дает призыв ударников в литературу. Литературные органы ВЛКСМ должны при содействии РАПП организовать литературные консультации творчества молодых ударников, рецензировать все то, что появляется в печати, написанное молодыми ударниками, помогать самообразованию, как общеполитическому, так и литературному.

... вы пишете для миллионов, и это обстоятельство не надо упускать из виду.

это обязывает вас к строгой работе, к честному отношению к слову, к сюжетности, яркости, ясности, но всем тем приемам, посредством которых вы нам точнее передадите ваш опыт, ваши впечатления многомиллионному читателю.

(М. Горький — ударникам призванным в литературу).

Сидят слева направо: Н. Огнев, М. Голодный, П. Усенко, В. Луговской, М. Шермет. Стоят: Я. Гримайло, Е. Фоми, Ив. Байко, М. Шпан, Ив. Гончаренко, А. Клогтя. Украинские „Молодняковцы“ с русскими писателями на пленуме М. Б. Р. Л.

В. ставский

На первый вопрос ответить затрудняюсь. Вообще — не сумею исчерпывающе высказаться по вопросам, поставленным в анкете.

Причина: два почти года торчу на хозяйкампаньях в кубанских станицах (с небольшими перерывами), с литературой о комсомоле знаком мало. При огромном, совершенно нетерпимом отставании нашей критики, особенно — библиографии — просто не знаю о том новом, бесспорно многочисленном талантливым ряде молодежных писателей, которые может быть написали и уже наверняка пишут о комсомоле прекрасные произведения.

Конечно писатели наши очень виновны в своем невнимании к темам комсомола.

Но я их и понимаю.

По себе сужу. Из комсомольского возраста, из комсомольской среды (я был в 1921 году в комсомоле — в обязательном тогда порядке) вышел. С комсомолом связан в повседневной работе мало.

Больше, разумеется, знаю мысли, чаяния, жизнь своих ровесников, — коммунистов и бойцов Кр. гвардии и армии призыва 1918 года. О них — главным образом и думаю и пишу.

Обязанность знать жизнь комсомола и осветить ее — чувствую всем своим существом. В своей третьей книжке о „Ставине“ постараюсь исправить прежние грехи и упущения по этой линии.

Очень прошу мне в этом помочь указаниями и советами (Москва, 31, Мертвый, 18, кв. 3).

Еще: чувствую, что и сам комсомол до сего времени мало уделяет внимания художественной литературе, пролетингательскому движению, художественному воспитанию молодежи.

Этим в известной мере и объясняется то, что значительная доля произведений о комсомоле — не на уровне классового боевой ленинской молодежной организации.

С этим недостаточным вниманием пора совсем кончать.

Мих. Зощенко

Если советская литература не отрадила комсомола во всех областях социалистического строительства, то причиной тому было следующее обстоятельство.

Писателю главным образом отражает в своих произведениях тот материал, который знаком ему наилучшим образом и ту среду, с которой он тесно или кровно связан.

В советской литературе нет в достаточном количестве писателей, вышедших из комсомольской среды, а стало быть и нет почти писателей, отлично знающих эту область.

В силу этого молодежная тематика разрабатывалась по большей части молодыми писателями, малокалиброванными, результатом чего и является низкое качество продукции.

Писатели же «старшего поколения», принимаясь за молодежную тематику, естественно, избирают узкие бытовые проблемы, т. е. то, что наиболее доступно на первый взгляд. Эти писатели оставляют в стороне более сложные вопросы, т. е. те вопросы, которые они не знают или знают мало.

Именно по этим причинам мне и не приходилось затрагивать молодежных тем. Мне не приходилось быкать сталкиваться с молодежью и не приходилось совместно с ними работать.

Несколько лучше я знаю жизнь пионеров, о которых я пишу раз и вечно в «Ленинских Искрах».

Вопрос о новых литерату-

рных кадрах—вопрос чрезвычайной сложности.

Призыв ударников в литературу сделан был своевременно, но повидимому здесь были допущены некоторые ошибки. Сколько я знаю, процент призывников, оставшихся асерьез работать в литературе, не слишком значительный.

Так например, из 12 человек «навербованных» мною, осталось работать, как мне удалось узнать всего 2 человека.

Повидимому, надо было не только «призвать», но и со всей внимательностью надо было руководить дальнейшими шагами. Повидимому нельзя было бросать людей в литературные воды с тем, чтобы они сами выныли.

И для призывников и для всей остальной молодежи, способной к литературе, необходимо, на мой взгляд, открыть литературный техникум. Не тот техникум, который выпускает людей с узким знанием—журналистов, редакторов и работников книжного дела, а техникум, выпускающий писателей и поэтов, в подлинном значении этих слов.

Из всех профессий, сколько мне пришлось узнать, литература наиболее трудная профессия, требующая не только узких профессиональных знаний и навыков, но и знаний общего характера, знаний других профессий и хотя бы элементарного знания обо всем, что есть в науке,

в искусстве и во всей окружающей нас жизни.

История литературы знала малокультурных и даже малограмотных писателей. Они либо погибли после первых опытов, либо тяжким путем, путем громадной работы над собой добивались высокой квалификации и тех знаний, которые необходимы, чтобы быть писателем.

При социалистическом строительстве государство должно помочь и в этом деле. И мне кажется, что такого рода техникум—вылущивший выход из положения.

А пока что, практически—литорганizationsм ВЛКСМ стоило бы поодобрать в свои литружки заблуждающую молодежь из числа призывников, кои уловившись «бедной премудрости», отошла в сторону.

почему нет художественных произведений о комсомоле?

В. Ильенков

Почему нет крупных художественных произведений в комсомоле?

Объяснение этому факту нужно искать в том, что оставание пролетарской литературы от задач реконструктивного периода далеко еще неужито. Это коренится в оставании значительной части писателей от практики социалистического строительства, от классово-практики пролетариата, строящего социализм. На эту тему написано немало хороших и правдивых резовций, но еще очень мало сделано для их осуществления. Этому мешают традиции литературной индивидуализма и замкнутости, которые еще крепко гнездятся в литературной среде.

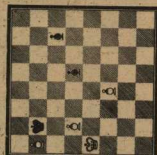
Заканчивается третий решающий год пятилетия, а многие даже из больших наших писателей не удостоились побывать на подстройках. Что же они могут написать о комсомоле?

Чтобы написать о комсомоле, нужно писателю быть там, где идет социалистическая стройка, где пролетарская молодежь, под руководством ленинского комсомола ведет напряженную борьбу за социализм, показывая примеры подлинно-социалистического отношения к труду и беззаветного героизма. Тема о комсомоле—огромная, сложная и ответственная тема. Справиться с этой темой может только тот писатель, который не только хорошо, глубоко изучил жизнь пролетарской молодежи, но и умеет глубоко осмыслить явления нашей боевой действительности во всей ее сложности, многообразии, а для этого он должен крепко овладеть методом материалистической диалектики. Иначе

он неизбежно пойдя по линии наименьшего сопротивления, примером чего могут служить почти все книжки о молодежи, изданные до сих пор: в них много уделяется внимания, например, половым проблемам, жизни комсомола дается поверхностно; главное в этой теме—труд молодежи—почти отсутствует; пятилетний комсомол имеет немало своих комсомольских писателей, пришедших в литературу от станка. Эти новые писательские кадры, тесно связанные с заводом и колхозом, со всей практикой социалистического строительства и должны дать художественные произведения о комсомоле. Вместе с основными кадрами пролетарских писателей, овладевая всем опытом пролетарской литературы, критически усваяя и перерабатывая культурное наследство предшествующих классов, ударники-комсомольцы, писатели с этой большой и ответственной темой справляются. В частности РАПЦ к комсомольской тематике, «Литературные органы ВЛКСМ, («Комсомольская правда», «Молодая гвардия», «Смена» и т. д.) должны добиться и несомненно добьются того, что в ближайшее время мы будем иметь художественные произведения о пролетарской молодежи, стоящие на уровне большого искусства.

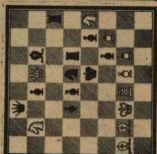
Лично я пытался отобразить (частично) жизнь и борьбу комсомольцев и пионеров в наших дни (роман «Ведущая ось») и в следующих книгах, продолжающих роман «Ведущая ось», я намерен расширить галерею комсомольских типов—борцов и строителей социализма.

Этап № 3
И. А. Алешинский (Ленин)

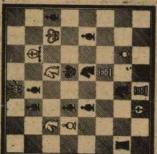
4-4

Задача № 37
С. М. Писовая и В. М. Умова
(Ростов/Дон)

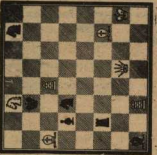
10-11

Задача № 35
В. М. Ковалевский (Минск)

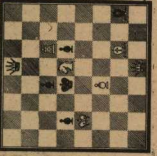
10-10

Задача № 36
Г. П. Малагур (Ленинград)

7-4

Задача № 34
И. Иванов (Москва, Мст. обл.)

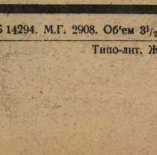
6-4

Задача № 33
А. Зарубинский (Алматы)

10-10

Задача № 32
И. А. Алешинский (Ленин)

10-10

Из поэмы „Шахматы“

Сорокградусная—не быть.
Рабочий! Шахматами пьянствуй!
Так радостно их полюбить,
Хранить в любви к ним постоянство.
...Идешь на брачные позы,
Грозный погубило короле,
Гремьши в борьбе, кипишь в погоне,
Пока
Ферзи, слоны и кони
Не заматуют короля.

Да, это верно все... Но, все же,
Но все же хочется сказать,
Что жизнь на шахматы похожа,
Но жить—не в шахматы играть.
О, жизнь! Легко ль справиться с нею!
Людей фигурой обозначь?
Труднее жизнь и послужнее
Миллионов шахматных задач.
И это верно все... Но, все же,
Но, все же хочется сказать,
Что шахматы на жизнь похожи,
Но жить—не в шахматы играть!
Фигуру потерял—и ладно.
Остался на доске в долгу,
Но в днях мы будем беспощадны;
И горе нашему врагу!

А. Безымянский

Результат 1-го конursa решений

Этот конкурс, протекший в очень неудовлетворительных условиях (перезаказный выход отъезда и т. д.), привлек сравнительно небольшое количество участников.

На конкурс было дано 11 задач и 2 этюда. Максимальное количество очков за решение их равно 30.

Первый приз получил тов. Вахрушев Н. из Харькова, набравший 29 очков. Второй приз завоевал хмельковец тов. Лундин. Несмотря на свои 16 лет, тов. Лундин имеет 2 всс. категорно, недавно получил право участия в малом чемпионате Харькова. От победителя конкурса он отстал лишь на 1 очко.

Третий и четвертый приз поделили Л. Мальцев (т. Бийск, Сиб. кр.) и один из руководителей шахматной в Ленинградской области, тов. В. Сазов, набравшие по 26 очков.

Пятый приз и специальный (жесткий) завоевала З. Андреева (Алма-ата), отставшая от первого призера на 5 очков.

За ней—тов. Ферман из г. Запорожье-Камское имеющий 23 очка. Седьмой приз получил Н. Житомирский из Гомеля (22 очка).

Восьмой и девятый поделил набравшие по 20 очков В. Петров (Казань) и киевлянин Г. Чумичев.

Десятый (и последний) приз завоевал самый молодой и самый дальний участник конкурса—фобинец Л. Никитин со ст. Шинюновской (Тальменской край), набравший 19 очков.

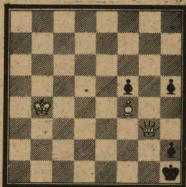
Вплотную за призерами стали т. Орлов В. И. из Красноармейска и В. Щепилов из Ленинграда.

Следует отметить, что в числе участников конкурса было 10 процентов девушек. Большинство из них правда, не члдо зальше 6-7 очков (т. т. Малахова (Саратов), Л. Юсимова из Кызыл-Орды и др.).

Мелочи

За границей шахматы отнюдь не рассматриваются, как культурный воспитатель. Они там в большинстве случаев существуют наравне с картами, рулеткой и т. п. „прелестями“ буржуазного времяпровождения.

Потому то столь большое внимание вызвала за границей хотя и мало интересная, но зато самая длинная (вернее долгая) партия, продолжавшаяся целых шесть лет. Она игралась между американцем Робертсоном и австралийцем Кейстоном, ходы пересылались первые пят лет по почте, а затем по телеграфу. Конец этой партии таков: проигравший партию американец согласно условию заплатил 12 000 рублей за почтово-телеграфные расходы. Оава эта сумма показывает, что за „иронич“ играми эту партию. В книге Стаутонга 1 „Chess Praxis“ приводится следующая позиция:

Ход белых

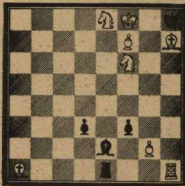
Стаутонг указывает, что белые здесь легко выигрывают посредством 1. Кр:h1 Кр:h1 2. Ф:h4 Кр:g1 3. Кр:h1 Ф:h4 4. Ф:h1 Кр:h1 5. Кр:f5, забирая затем пешку f5 и спокойно проводя свою в ферзи.

Анализ безусловно правилен. Но дело в том, что белые совсем не к чему предпринимать столь длинное путешествие: они попросту могут объявить мат в два хода (1. Ф:f2 и 2. Ф:g1 X)!

1 Стаутонг—известный шахматист прошлого столетия, около тридцати лет состоявший главным инспектором мира. Стаутонг кроме того один из выдающихся Breedователей Шенкеля.

Исправление

Задача № 28 (С. Синева) № 28

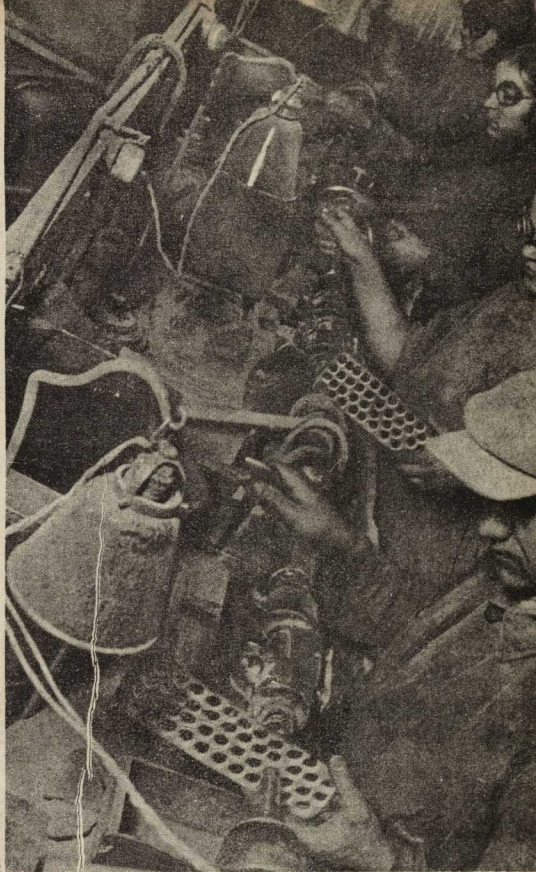

Мат в 3 хода.

8-6

**ТАК БЬЕТСЯ ПУЛЬС
ЛЕНИНСКОГО**

КОМСОМОЛА

Ударная комсомольская бригада пуговичной ф-ки «Октябрьский путь».

Комсомольская бригада свайщиков за работой в новом цехе завода «Динамо».

Рис. С. ШТЕЙНСАПИР
(берлинской комсомолки).

